

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 4 (1107).

Суббота, 25 ноября 1944 г.

Цена 45 коп.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Самонадеянные фашистские стратеги, выдвигая план «молниеносной войны» против Советского Союза, учитывали многое, но не учли и не могли учесть, главного — особенностью советского строя.

Великую, непроборимую силу дал нашему народу, нашей армии советский социалистический строй, рожденный Октябрьской революцией.

Для каждого советского человека борьба с фашистской Германией, верою и надеждой на нашу страну, стала вопросом кровным, личным. Речь шла о существовании, о чести и независимости Родины — социалистического отечества, построенного нашими руками, нашей неуспешной, но самоотверженной и самоотверженной борьбой с фашистским агрессором, завоевавшим человеческое счастье. Во имя великой советской отчизны творили чудеса войны Красной Армии, защищая родную землю; во имя победы героически трудились весь советский народ.

Гражданское самосознание нашего народа за время войны стало еще более зрелым, оно усугубило силы советских людей и направляло их энергию к одной общей цели — разгрому врага.

Товарищу Сталину дана исчерпывающая характеристика высочайшему патриотическому сознанию нашего народа, которое рождено и воспитано советским строем.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником героичный и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрасположения, а глубокую преданность и верность своему отечеству, своей Родине, братское содружество трудящихся всех наших стран. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разделяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью».

Горячий и животворный советский патриотизм — вот та сила, которая наделила нас и презрением к палачам, последние слова восемнадцатилетней героини Зои Космодемьянской, стойчески принявшей мученическую смерть от руки фашистов.

Горячий и животворный советский патриотизм — вот та сила, которая дала нашим героям Красноармейца непоколебимое мужество в неравной борьбе с иноземными поработителями.

Горячий и животворный советский патриотизм был неиссякаемым источником энтузиазма миллионов солдат и офицеров Красной Армии в трудный, оборонительный период войны.

Горячий и животворный советский патриотизм стал могучим источником силы Красной Армии в пору ее победоносного наступления.

Горячий и животворный советский патриотизм был и остается неисчерпаемым источником трудового героизма советских рабочих, колхозников, интеллигентов, одержавших экономическую победу над врагом.

В скупых и, как всегда, предельно точных формулировках сталинской речи дан ключ к раскрытию того нового, что внесло в духовную жизнь народа двадцатилетнее существование советской власти.

С высоты сталинского определения природы советского патриотизма нам, советским писателям, открываются подлинно поэтические, бессмертные стороны советской жизни, характера советских людей.

Каждый из нас, внимательно вдумавшись в слова товарища Сталина, понимает, что советский патриотизм — это не только одна из форм творчества. Советский патриотизм — это атмосфера, это воздух любого произведения, на страницах которого живут и действуют советские люди.

Естественно, что в годы великой битвы с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость Родины дух советского патриотизма особенно глубоко пронизывает всю нашу литературу.

Безраздельную любовь к великой Родине, преобразенной Октябрьской революцией, питает писательская публикация военных лет. Статьи Алексея Толстого, Илья Эренбурга, Николая Тихонова, Константина Симонова и других наших писателей духовным истоком своим имеют животворный советский патриотизм.

Проза военных лет: «Народ бессмертен» Василия Гроссмана, «Радуга» Валды Васильевской, «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, «Пенекорень» Бориса Горбатова, «Морская душа» Леонида Соболева, первые произведения, посвященные героике советского тыла, — все они при различии стилей и художественного уровня рисуют нам образы новых советских людей, пламенных патриотов, по-новому почувствовавших свое место на войне, действительных творцов истории.

Но же самое надо сказать и о первых попытках советских драматургов воплотить в сценических образах пафос великого подвига наших современников.

Чувством животворного советского патриотизма насыщена советская лирика военных лет. Никогда так широко, как в военные годы, не звучала в нашей поэзии тема Родины, воспеваемой на всех языках народов Советского Союза. Никогда гражданское патриотическое начало не пронизывало так глубоко советскую лирику, как в грозные годы войны.

Близится победоносное завершение великой войны. Впечатательная победа придет к нашему народу, как величественный итог энтузиастических подвигов во имя и во славу Родины. С особой торжественно мы произносим неумирающие слова Маяковского:

— Читайте, зачитайте, Я гражданин Советского Союза...

Писатели должны мобилизовать все свои силы, мастерство, знания, чтобы в произведениях, посвященных народу-победителю, с предельной полнотой выразить гордость, светлое, животворное чувство советского патриотизма.

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВОЛЬТЕРА

Президиум Академии наук СССР проводит сегодня в Московском Доме ученых торжественное заседание, посвященное 250-летию со дня рождения великого французского просветителя Франсуа Марии Вольтера.

После вступительного слова президента Академии наук СССР акад. В. Комарова выступят с докладами акад. В. Волгин — «Историческое значение Вольтера» и проф. М. Нечкина — «Вольтер и русское искусство».

В Государственной центральной библиотеке иностранной литературы открыта выставка, посвященная Вольтеру. Тщательно подобраны книжные экспонаты, а также иконография освещают жизненный и творческий путь великого французского писателя.

Выставка состоит из пяти разделов. Первый — «Жизнь Вольтера» — представлен мемуарами самого Вольтера и его современников и восьмьютомом трудом Денартера «Жизнь Вольтера». Во втором разделе дана переписка Вольтера. Раздел третий показывает Вольтера — общительного, реактивного, мастера философского романа, сатирика, историка, поэта и драматурга. В четвертом разделе — «Вольтер за пределами Франции» — выставлены все русские издания Вольтера, датывая с XVIII века, английские издания, в том числе последний перевод «Кандида» на английский язык, сделанный Р. Олдингтоном. В пятом разделе — собраны литература о Вольтере.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Исполнилось 20 лет со дня выхода первого номера журнала «Пионер». Этот славный годовщина был посвящен 19 ноября пионерский слет в Московском Доме пионеров, куда пришли авторы и многочисленные читатели журнала.

Многие популярные детские книги впервые опубликованы в журнале «Пионер».

Первое произведение, с которым пришел в «Пионер» любимый детский писатель Аркадий Гайдар, были «Синие звезды». Ему сразу понравилось работать в «Пионере». Своем журнале с крепким читательским активом, и он стал постоянным автором «Пионера». Со страниц журнала впервые знакомилась масса с широко популярными теперь героями повести Гайдара «Тимур и его команда».

На протяжении многих лет тесно связаны с журналом писатели Р. Фраерман, С. Григорьев, Л. Успенский, М. Пришвин, С. Михалков, Л. Квитко, Е. Благинина и многие другие.

Почти все произведения Л. Кассиля до выхода в свет отдельных книжками печатались в «Пионере».

За последние годы в журнале опубликованы такие стихотворения себе любимую читателей произведения, как «Расказы из жизни» А. Яковлева, «Александр Суворов» и «Победители моря» С. Григорьева, «Таня Слесарева» и «Семиклассники» М. Прилежаевой.

Стенды выставки, открывающейся в Литературном музее в связи со столетием со дня смерти И. А. Крылова. Слева — Крылов об Отечественной войне 1812 г., справа — современники Крылова и работа его в Императорской Публичной библиотеке.

Фото К. КЛЕМЕНТЬЕВСКОГО.

В Совнарком СССР

О мероприятиях по увековечению памяти И. А. Крылова в связи со столетием со дня его смерти

1. Воздвигнуть в г. Калинин памятник И. А. Крылову.
2. Переименовать Толмазов переулок в г. Ленинграде в переулок Крылова.
3. Переименовать Вольную улицу в г. Калинин в улицу Крылова.
4. Установить в читальном зале библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде бронзовый бюст И. А. Крылова.
5. Писать имя И. А. Крылова: а) районной детской библиотеке Фрунзенского района г. Ленинграда; б) семилетней мужской школе № 24 г. Ленинграда.
6. Установить мемориальную доску на доме № 18 по Садовой улице в г. Ленинграде, где жил И. А. Крылов.
7. Учредить стипендии имени И. А. Крылова в следующих учебных заведениях: а) Московском ордена Ленина Государственном университете им. М. В. Ломоносова — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета и 1 стипендию в размере 800 рублей в месяц для аспирантов кафедры русской литературы; б) Ленинградском ордена Ленина Государственном университете — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета и 1 стипендию в размере 800 рублей в месяц для аспирантов кафедры русской литературы; в) Литературном институте Союза советских писателей — 4 стипендии для студентов по 400 рублей в месяц каждая; г) Калининском Государственном педагогическом институте им. М. И. Калинина — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов факультета языка и литературы.

Крыловские дни в Риге

В школах, на заводах и в открытых аудиториях Риги состоялись вечера, доклады, лекции и утренники, посвященные столетию со дня смерти Крылова. В пионерских организациях были устроены «костры» с рассказами о Крылове и инсценировками басен.

Большое внимание уделено 100-летию со дня смерти Крылова латвийской прессой. В газетах появились статьи и басни Крылова в переводах на латвийский язык. Газеты «Шиня» и «Советская Латвия» напечатали статьи А. Унитса и Я. Судрабалиса о Крылове. Газета «Советская молодежь» выпустила специальную литературную приложку со статьями, популярными стихами творчества Крылова, и переводами его басен. Редакционный комитет Крылову несколько специальных радиопередач.

Кукольный театр Латвийской ССР подготовил крыловский спектакль, состоящий из инсценировок басен «Пустыняк и медведь» и «Две собаки».

Памяти великого русского баснописца

Торжественное заседание в Большом театре

Общественность столицы отмечает столетие со дня смерти великого русского баснописца. В зрительном зале Большого театра — писатели, ученые, артисты, генералы и офицеры Красной Армии, рабочие-стационары, представители советской печати. На вечере присутствуют члены дипломатического корпуса.

На сцене, за большим столом, члены Всесоюзного комитета по проведению столетия со дня смерти И. А. Крылова — Демьян Бедный, И. Эренбург, П. Бажов, Н. Тихонов, М. Исаковский, А. Яблоков, И. Москвин и др.

Открывая торжественное заседание, Демьян Бедный сказал: — Мы собрались здесь сегодня для торжественного чествования нашей Родины. Басни были основным оружием Крылова. Это литературно-художественная форма, до того совершенная, что препарирует ее в будничной высокой общественной стали. Отношение Крыловым оружием служило нам и сегодня в борьбе со всеми теми силами, которые мешают нашему великому делу победы. Крыловская поэзия — алмаз, сверкающий в драгоценной короне великой русской литературы. Слава его не померкнет в веках! Да здравствует народ, в среде которого родился гений, подобный Крылову! Такой народ непобедим!

С обширным докладом о жизни и деятельности великого баснописца выступает Н. Тихонов.

— Издавая наш народ, — говорит Н. Тихонов, — называет великого баснописца следящий Крыловым. В этом скрыт большой смысл. — Крылов не просто поэт, он велик, как народ. И до Крылова существовала литературная форма басни. Но он возвел ее на такую высоту, дал ей такое звучание и смысл, как не в силах были дать другие, весь обранный мир

Крылова, вся система его иннокананий близки природе русского человека. Демократ и моралист, Крылов оружием слова обвиняет бюрократов, плутов, захребетников. Раз и высмеивая человеческие пороки, он восхваляет благородные свойства души русского народа.

Докладчик подробно останавливается на языке басен Крылова, полными народным и полным поэтической силой. Каждое слово в нем чеканно, речь резко индивидуализирована. На многочисленных примерах из басен Н. Тихонов показывает, как глубоко метрически в язык народа образы и выражения великого баснописца. Н. Тихонов указывает на огромную популярность басен Крылова не только в СССР, но и далеко за его пределами. Они стоят в первом ряду лучших творений мировых баснописцев.

Образы Крылова бессмертны. — заканчивает свой доклад Н. Тихонов. — Сегодня они приобретают новое звучание. Они оживают в применении к новой теме. Накануне полной победы над врагом, накануне конца черного гитлеризма, в дни исторических подвигов нашего великого народа мы приносим свое преклонение чудесному русскому таланту, так любимому народом, жившему верой в его будущее, горячо служившему ему.

Затем с речами и чтением стихов, посвященных великому баснописцу, выступают М. Исаковский, В. Лебедев-Полянский, А. Сурков.

Торжественное заседание заканчивается исполнением Государственного Гимна Советского Союза.

В концертной части были исполнены однократно ясны Крылова «Урок дочкам» и басни, с чтением которых выступили И. Ильинский, В. Рыжова, Д. Журавлев, артисты Государственного театра кукол и др. Был исполнен также ряд музыкальных произведений на тексты Крылова.

Юбилейные выставки

В помещении главного читального зала Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина открыта выставка, посвященная Крылову. Выставка построена по разделам, характеризующим деятельность Крылова, как сатирика-журналиста, драматурга, баснописца, а также библиотекаря Императорской Публичной библиотеки.

В разделе «Крылов — сатирик-журналист» полно представлены журналы XVIII века, в которых печатались Крылов. В отдельной витрине выставки собраны произведения Ленина и Сталина, в которых использованы образы и цитаты из Крылова.

В Аничковом саду выставлена посвященная юбилею Крылова, особенно соболевает группа посетителей, с большим вниманием знакомящихся с жизнью и творчеством баснописца. Богато представлена обширная литература о Крылове, иконография, иллюстрации к басням Крылова.

Войска ЛЕНИНГРАДСКОГО фронта при поддержке кораблей Краснознаменного Балтийского флота, в результате упорных боев, 24 ноября завершили очищение от противника острова САРЕМА (ЭЗЕЛЬ), превращенного немцами в опорный пункт, прикрывавший подступы к РИЖСКОМУ заливу. Тем самым территория Советской ЭСТОНИИ полностью освобождена от немецких захватчиков.

За неделю

МУЗЕЙ ЯНИ КУПАЛЫ

МИНСК. (От нашего корреспондента). Немцы сожгли дом Янки Купалы в Минске, сожгли ценнейшие рукописи, хранившиеся в библиотеке поэта. Фашисты выкрали рукописи поэта из Государственной библиотеки имени Ленина. Имя Янки Купалы во время оккупации Минска было под стражей запрета. Но никакие меры не могли побороть любви народа к своему поэту. Произведения Янки Купалы в тысячах экземпляров размножались в партизанской печати. И как только был освобожден Минск — город, где столько времени прожил Янка Купала, начались работы по созданию музея его имени. Для музея отведено помещение в наиболее вместительном из уцелевших в городе домов, в бывшем Дворце труда.

Организационными работами, сбором материалов для музея руководит жена поэта — литературоведка Л. Длушская. Уже собрано много интересных материалов — неопубликованные стихи и статьи поэта, редкие, малоизвестные издания, письма к Я. Купале и самого Я. Купалы, многочисленные фото, отражающие различные этапы жизни поэта, переводы произведений Купалы, воспоминания современников, отзывы читателей.

ТЕЛЕГРАММЫ М. НЕКСЕ И ДЖ. ПРИСТЛИ

Председатель правления ВОКС В. Кеменов и председатель райкома секции ВОКС Н. Бурденко, К. Алабин, А. Герасимов, В. Пудовкин в день 75-летия известного датского писателя Мартина Андерсена Нексе послали ему сердечную приветственную телеграмму.

На днях Мартин Андерсен Нексе приехал из Стокгольма на имя В. Кеменова ответную телеграмму, в которой он искренне благодарит за приветствие и тепло вспоминает свое пребывание в Москве и дружеские встречи в ВОКС.

М. А. Нексе в своей телеграмме приветствует «молодой советский народ, самый молодой в мире, и блестящую Красную Армию, первое в мире народное войско».

Президент литературной секции ВОКС Алексей Толстой получил на днях телеграмму от Джона Б. Пристли.

«Рад сообщить Вам, — говорится в телеграмме, — что под председательством Джона Б. Пристли учреждена секция писателей, поддерживающая Лондонское общество культурной связи с СССР, для обмена идеями между британскими и советскими писателями».

По сообщению Пристли, в секцию вошли Роберт Гринвуд, Стом Джеймсон, Уолтер Де Ла Мара, Луиз Голяин, Шон О'Кейси, А. Дж. Кэмпбелл, Розамунд Леман и др.

Президент литературной секции ВОКС Алексей Толстой и вице-президенты С. Маршак и В. Горбатов отправили Пристли ответную телеграмму:

«Горно приветствуем создание секции писателей при Обществе культурной связи с СССР. Надеемся, что наш взаимный обмен мнениями и опытом будет плодотворным для обеих сторон и будет способствовать дальнейшему расширению и углублению культурной связи между нашими народами».

Вчера получена от Пристли телеграмма на имя Алексея Толстого:

«Ваше прекрасное приветствие было зачитано под шумные аплодисменты на успешно прошедшем учредительном собрании секции писателей. Уверен, что в нашем плодотворном сотрудничестве. Шлем самые лучшие пожелания».

ДРАМАТУРГИЯ Н. СИМОНОВА

Кабинет современной драматургии Всероссийского театрального общества организует серию обсуждений творчества советских драматургов.

Первое обсуждение, состоявшееся 20 ноября, было посвящено драматургии К. Симонова. С докладом выступил А. Глебов, в прениях приняли участие И. Берсенева, И. Крути, Х. Херсонский, З. Кедрина и А. Файко.

Участники обсуждения единодушно подчеркивали художественное и общественное значение пьес Симонова «Русские люди» и «Парень из нашего города». Обсуждалась также новая пьеса К. Симонова «Так и будет», принятая постановкой Театром им. Ленинского комсомола.

ДОРОГАМИ ПОБЕД

Вчера в Московском Доме актера состоялся вечер выступлений писателей и военных корреспондентов, поделившихся своими впечатлениями о победоносном освободительном марше героической Красной Армии по Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Норвегии и Польше.

Председательствовал на вечере Борис Горбатов. С сообщениями выступили А. Ерусалимский — о Румынии и Болгарии, В. Кожеников — о Болгарии, кинооператор В. Епурин — о Югославии, зам. начальника военного отдела «Правды» капитан I ранга И. Золин — о Норвегии.

ПЛЕНУМ ССП УЗБЕКИСТАНА

23 ноября состоялся пленум Союза советских писателей Узбекистана, обсуждавший мероприятия по проведению 20-летия Узбекской ССР.

Издается альманах, который расскажет о развитии национальной литературы за 20 лет, об участии узбекского народа в Великой Отечественной войне. Будут опубликованы незавершенные произведения Хамиды Алиджана, роман «Солнце не померкнет» — Айбека, «Да здравствует Москва» — народного поэта Ислам Шаира, произведения Гафур Гуляма, Шейх-Заде, Уйгуна, Чусты.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ НА Н-СКОМ ЗАВОДЕ

20 ноября коллектив Н-ского завода, где партнером ЦК ВКП(б) тов. Королев, торжественно отметил День артиллерии. На вечере выступил поэт А. Жаров, рассказавший ряд интересных эпизодов из боевой жизни североморцев. Затем поэт прочитал несколько стихотворений, написанных им в дни Отечественной войны: «Севастопольская блокада», «Гвардейская катюша» и др.

НА МОГИЛЕ Г. СКОВОРОДЫ

Село СКОВОРОДИНОВКА. Проведена сессия Золочевского районного Совета депутатов трудящихся, посвященная 150-летию со дня смерти украинского философа демократа Григория Саввича Сковороды.

Еще с утра 23 ноября в Сковородиновку наплыв эмигрантов — представители областных, партийных и советских организаций, работников литературы, науки и искусства, ставящие харьковских заводов. Делегации посетили могилу философа.

Научная сессия в Академии наук СССР

23-24 ноября состоялась сессия отделения литературы и языка Академии наук СССР, посвященная 100-летию со дня смерти Крылова.

Вступительный доклад сделал член-корреспондент Академии наук СССР П. Лебедев-Полянский. Набрасывая контуры биографии Крылова, П. Лебедев-Полянский говорит о долге литературной науки.

До сих пор не написано более полной биографии Крылова, чем оставленная нам Плетневым, не создана еще научная монография о его творчестве. Мы не имеем и исследования, всесторонне раскрывающего народность Крылова.

Большой интерес вызвала процитированная П. Лебедев-Полянским характеристика, данная Крылову Жуковским в контексте по истории русской литературы, составленном Жуковским на французском языке по просьбе А. И. Тургуева. Конспект обнаружен в архиве Пушкинского дома и подготавливается к печати проф. Модзалевским. Жуковский писал:

«Крылов — настоящий поэт. В своем жанре он так же, как Державин, является представителем высокой поэзии. Делать до него издал свои басни, но он выдал на свое время не как баснописец, а как создатель большого стиля в поэтической прозе. Его басни все поразительны. Басни Крылова почти все оригинальны. Они не имеют той безличности языка, которой обладал его предшественник, но он более великий художник. Многие из его стихов сделались поговорками. Он является философом-наблюдателем и чудливо рисует то, что происходит перед его глазами. Его басни — богатая сокровищница идей и опыта. С этой стороны они могут выдержать сравнение со всем, что есть наиболее современного во всех литературах. Державин в своих одах выразил блестящую сторону своего века. Крылов в своих баснях выразил смелую сторону и проанализировал нравы своего времени; благодаря этому он может быть назван поэтом — представителем своего времени».

Н. Степанов в своем докладе о Крылове-баснописце также останавливается на запятой, стоящих перед исследователем литературного наследия баснописца.

До сих пор не уточнена датировка басен Крылова, не раскрыты с исчерпывающей полнотой конкретные исторические поводы,

В клубе писателей

В Московском клубе писателей состоялся вечер, посвященный памяти великого баснописца.

Вечер открыл вступительным словом Демьян Бедный. Доклад о жизни и творчестве Крылова сделал Д. Благой. Затем с чтением басен Крылова выступили Игорь

Барельеф И. А. Крылова. Работа худ. Г. ФИТЕРЕРА.

которые лежат в основе многих его басен. Между тем социальная и политическая сатира Крылова чрезвычайно конкретна, и в особенности это относится к циклу басен, в которых выражено его отношение к Александру I.

Н. Степанов подробно говорит о народных истоках творчества Крылова, связи его с фольклором; оно не только от послышки и народной сказки, но и от русских сатирических повестей XVIII века, народных расхожих, лубка и т. д.

В заключение Н. Степанов прослеживает влияние Крылова на всю последующую литературу, вплоть до Маяковского и Демьяна Бедного.

Сессия заслушала также доклады проф. В. Виноградова о языке басен Крылова и проф. Д. Благого о Крылове-сатирике.

В день столетия со дня смерти И. А. Крылова в некрополе Александрово-Невской лавры (Ленинград) собрались представители общественности почтить память великого баснописца. На снимке: возложение на могилу Крылова венка от Союза советских писателей. Фото в. ФЕДЮШЕВА.

Стихи Михаила Львова

«Дорога» — вторая книга Михаила Львова. В ней, по-моему, много слабого и слабого: томление мастера, подавленное величием и неуспешностью материала. Михаил Львов — боец, танкист. Я не думаю, чтобы солдатские привалы напоминали те аллены парка, те прогулки по горам или те залаты тиражных комнат, где обычно рождается стих. Критику легко отметить много неудачных строк, общих мест. Я не думаю, например, что при падении «мессершмитта» ардеи и душевно сосредоточенный поэт напишет:

Но вестники он больше не пишет,
И путь из кубуры его хрупчесть
Его жена себе боинки шьет.

И не думаю, что отмечены вдохновенным такими строками: «Крутой солдат — и в краю не впадает, как будто пенки и мазь глина в Россию. Вей нацией приходит умирает. Да и не в отдаленных слабых строках дело: поэма «Дорога», по которой названа книга, на мой взгляд, не удалась. Михаил Львов в ней хотел выразить душевные бури солдата. Он дал много верных деталей, но он поэтически не осознал пережитого, и поэма остается то близким к стиху обобщением, то патристическим кантон, которые могли бы уместиться в густой и вязкой прозе.

Я пишу о книге Львова, потому что в ней много прекрасных стихотворений, написанных действительно поэтом. Они едким нашим языком. Родство это не только внешнее, тематическое. Можно легко отвести те минуты, когда Михаил Львов, повзвывая возрасту, а также некоторым поэтическим приему, подражает эпиграмматическому подходу к войне:

Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках свои.

Кто-то вечно встал в стон мужичин...
Оставим войну, поймаем, как «мужское занятие», профессиональным воином. Но вот пронзительное, горькое и, однако, мужественное стихотворение, написанное в последние дни 1941 года:

Я вынужден отступить
От дикой жизни отступить,
И восторгать и не восторгать
Ты свет, ты свет, ты свет,
И доблестно отступить,
И доблестно отступить,
И только слышу твой плач,
И только вижу твою слезу,
Успокойте об истопке,
Как о дельце отступить,
Как о любви, о первом чувстве,
Книги не вернуть, о первом чувстве,
Над спящим, о первом чувстве,
Или вперед и в тыл, и в бой,
И кажется, что нет возврата,
А есть желанье, злоб и кровь.

Михаил Львов. «Дорога». Стихи. Опубл. в Ленинске, 1944.

Искусство было и в те дни; — о том свидетельствуют стихи Михаила Львова. Немало поэтов пытаются в стихах передать ноздрю и свирепость наших врагов. Книжка естественна, но крик — не поэзия. Вот небольшое стихотворение Михаила Львова, озаглавленное «Бахчисарайский фонтан у немцев»:

Мне сон приснился в плену странном:
И в плену попал в Бахчисарай,
Но не нашел я там фонтана,
Длился лунный светный край,
И я устал у парижана,
Что немцы не прощали пришло
И в гарнизонные казармы
Фонтан неводный похоронил,
Трести на кувшину, об лодку хлопнул,
Протиснул, промочил край,
И умышленно удобным
Беспрерывно сделал фонтан.
Уже не слышу из фонтана,
А просто дилетант тула
Стройки широкой неустало
Возвращаю в плену.

И считаю, что здесь Михаил Львов нашел поэтическое выражение непотической сущности наших врагов.

Стихи Михаила Львова могут показаться тихими, но, видимо, как громче эпохи, строгие поэт измеряет свой голос. Стих Михаила Львова приближается по строю к классическому; молодой поэт не одинок в этом возврате; и опять-таки я вижу здесь дух эпохи, стремление к строгости и простоте. Придет время возврата к стику-разговору, к стику-декламации. Но теперь мы благословляем гранит ямба, способный удержать душу в час половецья.

Я приведу еще одно стихотворение Михаила Львова, уральца и танкиста:

РАЗВЫТЫЙ ТАНК
Металл, наверное, снится,
Что снова он стал рулою —
Делать на горе Магнитной
Безформенный и молодой.
Что снова идет он в дождю,
И снова приходит прокат,
И движется танком огромным,
И пушкой глядит на авкат,
И снова он лавит броню,
И горит враг вояк.
Радикулосъ полон боем,
И снится металлу сон.

Вполне возможно, что другим в книге «Дорога» понравится другое. Я привел то, по-моему, не могло быть передано прозой, в то время, как ряд произведений и Михаила Львова и других известных поэтов, написанных в форме стиха, мог бы стать прозой, сюжетными новеллами или даже статьями. Стихи поэзии во многих стихах Михаила Львова, в стихах Гудзенко и некоторых других молодых поэтов позволяют с интересом смотреть на будущее: природа искусства, его колдовство раскрывается в поэтические часы; солдат стнет поэтом, либо не станет им, но уповаю — не станет он верификатором.

14-я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Вчера в помещении Московского Дома ученых состоялся вечер, посвященный 14-й годовщине со дня смерти Л. Н. Толстого, организованный Толстовским музеем. После краткого вступительного слова Н. Губова, актер Малого театра В. Лебедев прочитал свои неординарные воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым в 1886 году. Вышла владелица дома-усадьбы Льва Толстого Т. Арнаутова рассказала о встречах с Толстым, относящихся к 1882 году.

Затем были прочитаны два неопубликованных отрывка из черновых редакций «Войны и мира»: вариант начала романа — «Именины в Москве в 1808 году» и описание Шенграбского сражения.

Принявший участие в вечере К. Игумнов исполнил любимые музыкальные произведения Л. Н. Толстого.

На сцене: дом в усадьбе Льва Толстого (Москва, Хамовники). Рисунок с натуры худ. А. РУДОВИЧ-КОРСАКОВОЙ.

И. ХАЛТУРИН ЖИЗНЬ В ТРУДЕ

Автора книги «Рассказы из жизни» А. Яковлева знает вся страна. Не как писателя, а как автора самой совершенной машины, которая стала грозой для наших врагов.

Она написана без прикрас, эта книга, и задним числом не приспосабливается герою, ищущему славы. На этот путь легко скатиться, потому что автор книги и есть ее герой. Она написана грезно, местами, может быть, сухо, но предмет ее романтичен, она открывает каждому читателю большие горизонты и большие возможности.

В книге выведен обыкновенный мальчик, с обыкновенными для мальчиков его эпохи интересами.

Он любит технику и хочет быть инженером... Но что же из его современников не любит технику и не мечтал стать инженером? Он изобретал в детстве вечный двигатель... Но ведь «перпетуум мобиле» — это для мальчиков вроде кори или скарлатины. Редко кто изобретет этого соблазна, а тем более изобретает вечный двигатель.

Молодая страна, хотевшая перестать сзади на трактор, сзади на самолет, владыка диктатора Яковлеву и его поколение пришлось к технике. Это было великое время. Из мальчишки обыкновенными интересами получился необыкновенный конструктор. Это потому, что эпоха была необыкновенная. Она не ставила никаких преград. Самые, казалось, фантастические замыслы можно было осуществить. Мост между мечтой и действительностью стал очень коротким. Нужно было только усилить волю, чтобы его перейти.

В школе организовали ребята общество друзей воздушного флота. «Однажды, посоветовавшись, концы друзей воздушного флота решили разработать выходящий из строя настоящий самолет, чтобы разобрать его до последнего винтика и хорошенько рассмотреть».

Вполне фантастическая затея. Но самолет был добыт. Он был добыт с бою, ценою величайших усилий. Он был разбит, но зато какое счастье было собрать его и восстановить по полочкам части!

У Яковлева зародилась мысль сконструировать настоящий планер. Безусловно, у которого нет ни колеса, ни двигателя, ни авиации. Идет к незнакомым взрослым специалистам.

И что же, эти люди, достаточно занятые и работой и обучением, отказались возиться с мальчиком с улицы? Нет, они помогают ему советами, проецируют его чертежи, становятся его наставниками и учителями.

Чтобы сделать настоящий планер, нужны помещение, материалы, деньги, покупки, Яковлев — не сын миллионера. И не «частный» же это планер.

Мальчугану, куда пойти. Он идет в родную школу, которую только что вывели. Там он организовал планерный кружок, вместе товарищами построил планер, с товарищами же поехал на состязания в Коктебеле.

В награду за удачную конструкцию мальчик получил приз: двести рублей и грамоту. Этот успех навсегда приковал его к авиации.

А. С. Яковлев. Герой Социалистического Труда «Рассказы из жизни». Ленин, 1944.

Мечта превращается в действительность. Но для этого нужны: работа, воля, умение. У Яковлева трудный путь. Это не было в судьбе, не человек, выпавший у фортуны счастливый билет в лотерею жизни.

Секрет его роста, его успеха — в неустанной работе.

Яковлев поступил в Академию воздушного флота, но не слушателем, а мотористом на учебном аэродроме. Тяжелая эта была работа — готовить самолеты к полету, принимать их после полета, дежурить на старте.

«Труд этот был тяжелый и непривычный для меня, — пишет автор. — Но я с увлечением выполнял все свои обязанности».

Богатство и смелость фантазии нужны конструктору более, чем кому-либо. Но не знаем, стал ли бы Яковлев Яковлевым, если бы не эта способность «с увлечением выполнять свои обязанности».

Когда я построил планер, — говорит автор, — мною овладела страстная мечта — сконструировать самолет. Потом захотелось сделать другой, получше, потом третий... Строил машины и думаю: «Только бы она полетела, больше мне в жизни ничего не нужно!» Но когда машина закончена и начинает летать, рождается новое желание — сделать другой самолет, чтоб он летал еще быстрее и лучше.

Неустанным тружеником, человеком смелой мысли и вечного кропотливого труда встает перед читателем герой книги.

Читатель вместе с автором проходит школу жизни. Первым университетом Яковлева было кладбище самолетов в аэродроме, первый его завод — в кровацкой мастерской.

И когда на месте кровацкой мастерской выстраивает образцовый авиационный завод, читатель не удивлен; ему кажется, что так и надо, так и должно быть, что иначе быть не может. Успехи Яковлева завоеваны трудом. Поэтому понятно, что наиболее обстоятельно автор рассказывает об организации труда на этом заводе, о культуре работы.

Книга Яковлева говорит нашей молодежи: иди за мной!

Скромная книга Яковлева, за которой стоит жизнь, говорит, что каждому советскому гражданину предоставлены все возможности, что нет непреодолимых преград на его пути.

Ценность книги Яковлева увеличивается тем, что многие ее страницы посвящены Сталину.

Сталин органически входит в книгу. Это удивительно, как жизнь выдающихся людей нашей страны сплетена с жизнью Сталина, как многие работы замечены, вложены в великий подвиг.

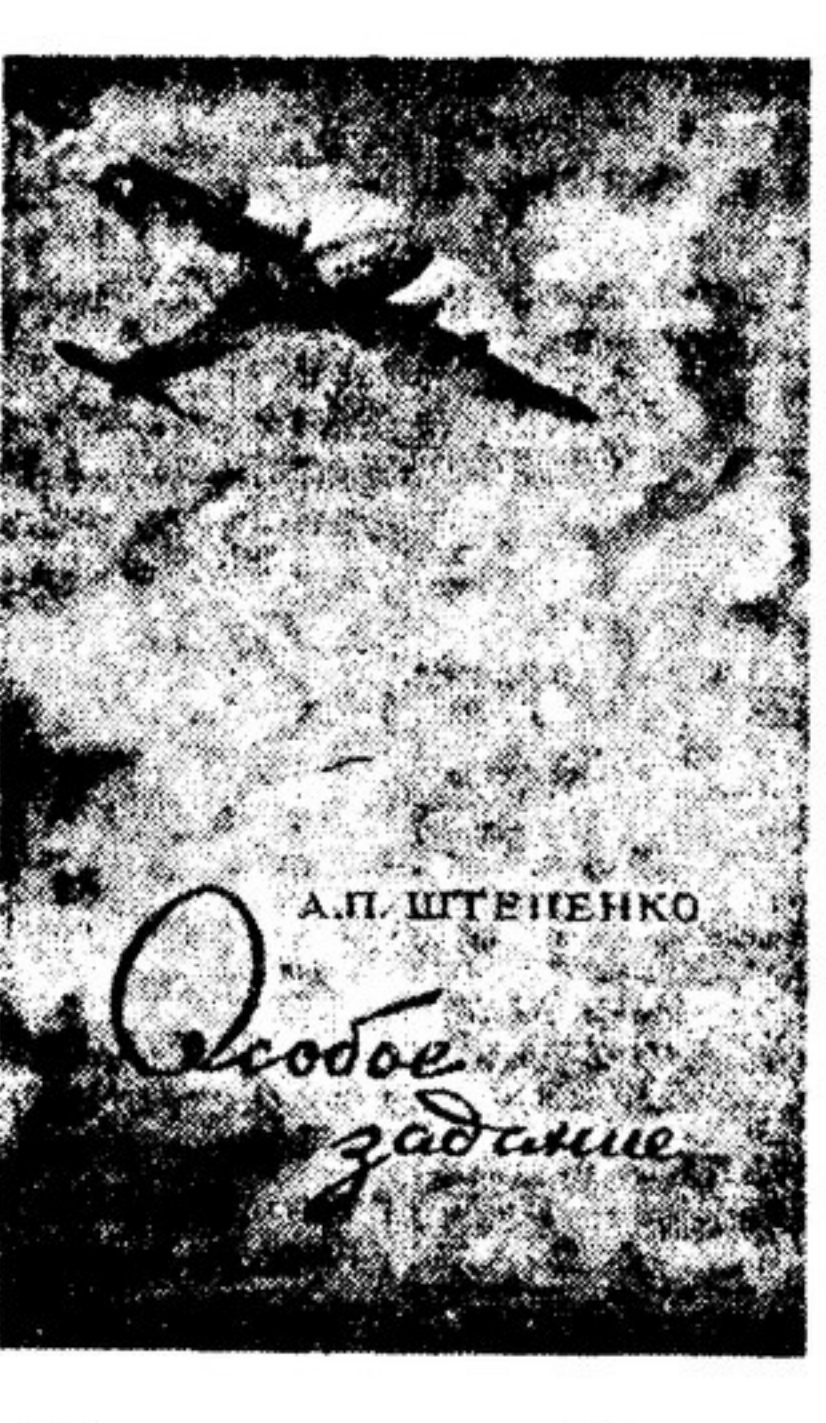
Сталину посвящены несколько глав, но вы чувствуете присутствие этого великого человека во всей книге, потому что история Яковлева, смелость его замыслов, их государственное осуществление характеризуют сталинский стиль работы.

Книга Яковлева — не только для детей и молодого поколения нашей страны, она для всех. Автобиографии таких людей, как Гудов, Поповин, Яковлев, дают черты героя нашего времени. И писатель может извлечь из них жизненный урок.

А. ИСАЕВ Записки о полете

В мае 1942 года В. М. Молотов совершил свое путешествие в Лондон и Вашингтон. Самолет шел долгим и опасным путем над вражеской территорией и потом в арктических широтах и далее над Атлантическим океаном, над Канадой и Америкой.

Штурманом на корабле был Герой Советского Союза А. Штенеко. Его перу принадлежат интересные записки о полете («Общее задание»), напечатанные в № 5-6 журнала «Октябрь» и выпущенные отдельным изданием в Воениздате.

Обложка книги А. Штенеко «Общее задание». Худ. Е. КРИВИНСКАЯ.

Корреспонденция и очерки о полетах, написанные неспециалистами, с большей или меньшей выразительностью рассказывают преимущественно о густых, толстых и мягких, как вата, облаках, о неизменном реве моторов, упоминают о звездах над головой или о солнце, дают почувствовать, как приятно лететь при ясной видимости и как неприятно, когда поднимается бура и как неприятно трудом обдувает мокрый туман и нестойкий ветер. А. Штенеко тоже сумел хорошо изобразить все, что относится к условиям полета. Но его «воздушный пейзаж» несет только поасобную роль. Самые же события захватывающего значения, непрерывная и волнующая смена их на борту корабля — это труд экипажа в пути. Для специалиста, штурмана, одного из водителей корабля, каждая минута пребывания в воздухе была насыщена событиями, о которых пассажиры даже не подозревали.

«Восход догонял нас, и нам не уйти от наступающего дня, как бы мы ни торопились...»

«Пассажиры, убоженные мягким светом утреннего солнца, дружно спали, склонив головы друг другу на плечо. Только Вячеслав Михайлович, не отрываясь, читал три светы лампочек.»

А экипаж, а оба штурмана и оба пилота их крайне встревожены: наступивший их расцвет стонет, неба ушибенною лугой и едва мерцающую точку Арктики... Еще несколько минут, и вот уже по плотным облакам вижу побежала вперед тень самолета... Тревога на корабле усилилась, радости еще лихорадочнее и нетерпеливее завопил из своих аппаратов... Что же случилось? Почему люди так страшатся!

Самолет побывал на многих аэродромах Англии и Соединенных Штатов в Америке. Какой соблазн — окрестить вчерашние уединенные города на островах Соединенного Королевства или на далеких просторах Америки заатлантического союзника! У А. Штенеко хватило такта начисто отказаться от описаний, которые могли бы быть только поверхностными, — за чрезвычайной краткостью пребывания в этих городах, — и отделиться целиком описанию полета.

Русский воздушный корабль пересекает полярную, и русские люди на борту корабля проявляют во всем блеске свои знания и опыт в борьбе с воздушной стихией, — вот гордое и волнующее содержание записок А. Штенеко.

В годы рождения Вольтера на его родине лишь начал склоняться к закату блистательный век «Короля солнца». А в нашем отечестве юный Петр в Преображенском только заканчивал обучение полковых полков накануне первого Азовского похода.

К концу жизни Вольтера в новой блестящей европейской столице — Северной Пальмире — цветет искусство и поэзия. Белорусская уже воссоздана в Российской Гром русских побед при Чесме и при Азове. Родину же Вольтера в день его смерти только Илет отделяет от штурма Бастилии.

По образованию и вкусам наследник XVII века, со всей его системой классицизма, триумфом познания и прироста — Вольтер при всей свободе своего ума, пытливости и жажды ко всему новому, мерзавству и жестокости к идеей жизни перед собой, конечно, не мог — вплоть до самого конца своей 83-летней жизни — занять передовые позиции. Ему оставалась чуждой вся мощная струя сентиментализма, родившего не только механику драму, но и психологический роман. Его материализм несравненно менее последовательный, чем материализм Вольтера.

В. ЛЮБЛИНСКИЙ НЕУМИРАЮЩИЙ РАЗУМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВОЛЬТЕРА

Вольтер родился в 1694 году, умер в 1778. Между этими датами — последние столетие феодальной Европы с его почти непрерывными войнами, великим промышленным переворотом, образованием Российской империи, грандиозными территориальными и колониальными сдвигами, превращением независимости Северо-Американских Соединенных Штатов. Весь путь от Ньютона до Лавуазье, от Баха до Моцарта, от Симеона Полоцкого до Фоминкина, от Мильтона до Гете, от Версальских савок Лепорта до романтических Павловских арок Камерона.

В годы рождения Вольтера на его родине лишь начал склоняться к закату блистательный век «Короля солнца». А в нашем отечестве юный Петр в Преображенском только заканчивал обучение полковых полков накануне первого Азовского похода.

К концу жизни Вольтера в новой блестящей европейской столице — Северной Пальмире — цветет искусство и поэзия. Белорусская уже воссоздана в Российской Гром русских побед при Чесме и при Азове. Родину же Вольтера в день его смерти только Илет отделяет от штурма Бастилии.

По образованию и вкусам наследник XVII века, со всей его системой классицизма, триумфом познания и прироста — Вольтер при всей свободе своего ума, пытливости и жажды ко всему новому, мерзавству и жестокости к идеей жизни перед собой, конечно, не мог — вплоть до самого конца своей 83-летней жизни — занять передовые позиции. Ему оставалась чуждой вся мощная струя сентиментализма, родившего не только механику драму, но и психологический роман. Его материализм несравненно менее последовательный, чем материализм Вольтера.

Франсуа Мари Аруэ Вольтер. Мраморный бюст работы Жана ГУДОНА (Лувр).

Вольтер родился в 1694 году, умер в 1778. Между этими датами — последние столетие феодальной Европы с его почти непрерывными войнами, великим промышленным переворотом, образованием Российской империи, грандиозными территориальными и колониальными сдвигами, превращением независимости Северо-Американских Соединенных Штатов. Весь путь от Ньютона до Лавуазье, от Баха до Моцарта, от Симеона Полоцкого до Фоминкина, от Мильтона до Гете, от Версальских савок Лепорта до романтических Павловских арок Камерона.

В годы рождения Вольтера на его родине лишь начал склоняться к закату блистательный век «Короля солнца». А в нашем отечестве юный Петр в Преображенском только заканчивал обучение полковых полков накануне первого Азовского похода.

К концу жизни Вольтера в новой блестящей европейской столице — Северной Пальмире — цветет искусство и поэзия. Белорусская уже воссоздана в Российской Гром русских побед при Чесме и при Азове. Родину же Вольтера в день его смерти только Илет отделяет от штурма Бастилии.

По образованию и вкусам наследник XVII века, со всей его системой классицизма, триумфом познания и прироста — Вольтер при всей свободе своего ума, пытливости и жажды ко всему новому, мерзавству и жестокости к идеей жизни перед собой, конечно, не мог — вплоть до самого конца своей 83-летней жизни — занять передовые позиции. Ему оставалась чуждой вся мощная струя сентиментализма, родившего не только механику драму, но и психологический роман. Его материализм несравненно менее последовательный, чем материализм Вольтера.

Вольтер за Вольтера велась и ведется, не ослабевая, до наших дней.

Стоит призадуматься о причинах ожесточения в последние десятилетия интереса к личности Вольтера, особенно в Америке. Мы, конечно, признаем курьезом попытки приписать Вольтера под вполне respectableм либеральное и даже глубоко верующего субъекта. Тот, кого Пушкин любил, но метко прозвал «френейским алым крикуном», меньше всего нуждается в похвалах авокатов.

Представляет интерес книга Нормана Доррета. Этот исследователь (дизайнер) приезжавший в Ленинград знакомиться с библиотекой Вольтера) видит основу вольтерского поведения, творчества и учения в воинствующем гуманизме и притом гуманизме нового, современного типа.

«Человеку свойственно трудиться, как дереву расти и как брошеному камню падать». Эта формула Вольтера много расширяет в его жизни: ряд внутренних томов его сочинений, в которых (выше 60 произведений) для театра, неоконченных перебатывавшихся, исторических трудов, романы, сказки, эссе, трагедии, статьи в Энциклопедии, целый «философский словарь», обширный комментарий к Корнелю. Переписка Вольтера в своем неполном виде составляет 12.000 писем. Нельзя не согласиться с тем, кто утверждал, что если бы от Вольтера ничего не осталось, кроме его корреспонденции, то этого было бы достаточно, чтобы сделать его величайшим писателем своего века. Вспомним и то, как обширно и основательно было знакомство его с литературой, как разнообразен круг вопросов, которые его занимали, как жадно и методично он добывал новейшей информации, чтобы быть в курсе всех событий. В этом отношении много дает нам знакомство с лабораторией писателя, с его сохранившейся в Ленинграде библиотекой, с любительным подбором книг по волюнтаризму Вольтера тем, с бесчисленными следами чтения, со справочной классификацией с помощью заголовков, надписей и других отметок двадцати родов.

Неотрагично приклетательные, умные, намертво глаза Вольтера ослепали и преобразили его невозможное лицо, утон-

Марк ЖИВОВ Путь Юлиана Тувима

Книжка стихов Юлиана Тувима, выпущенная в Москве Союзом польских патриотов в СССР, вероятно, будет поставлена автором на особое, почетное место среди многочисленных изданий его произведений. Она навсегда останется для него символом братского приветия и признания от славных его соотечественников, которые в нынешние дни рука об руку с героической Красной Армией охватывают родину от немецких захватчиков, являющаяся яичиной страной в многовековую историю Польши.

Двадцать пять лет литературной деятельности Тувима оставили глубокий след в польской поэзии.

С первых шагов творчества Юлиан Тувим стал живым воплощением той трагедии, которую переживала лучшая часть интеллигенции в послевоенской Польше. С глубокой яркостью, с удивительно широким сарказмом высмеивал и обличал мешанина, его ограниченность, глупость и самодовольство. Отчаяние и безысходность, которые наблюдал вокруг себя поэт, стали в известной мере и его уделом, и не раз он признавал в своих стихах смерть, как единственную избавительницу от всех зол и бед.

Но Тувиму, в отличие от многих польских поэтов его поколения, перспектива «спокойно и грустно уйти за катафалком своей молодости» представлялась не особенно заманчивой. На всех этапах своего творчества он выражал стремление вырваться из узких переулков «на широкие улицы, где бурные думы и шумные радости станут «на всемирном сквозняке». Ибо даже в те дни, когда Тувим воспевал забвение и смерть, он знал, что нет и не может быть спасения в бегстве от жизни.

Именно в те минуты, когда он остро ощущал реальную угрозу темных сил реакции всему, что человечество в последние веки создало, что и оберегал Юлиан Тувим писал свои лучшие произведения. Очевидно, в такие минуты, не находя возможности говорить во все глас, он обращался к переизданному свободными стихов Пушкина или Рембо и создавал поэзию конгенальные творения. Переводы «Слова о полку Игореве», лирики Пушкина и его «Медно всадника», поэмы Маяковского «Облако в штанах», стихов Бродского, Некрасова, А. К. Толстого, Брюсова, Пастернака, Светлова принесли Тувиму заслуженную славу.

Маяковский после первого же белого знакомства с Тувимом почувствовал и понял его творческую трагедию. «Тувим, — писал Маяковский, — очевидно, очень способный, беспокойный, волнующийся, что его не так поймут, писавший, может быть, и сейчас желющий писать, настоящие вещи борьбы...» И дальше Маяковский замечал, что «ему (Тувиму), очевидно, тяжело писать вещи того же порядка, что «Облако в штанах»; что ему писать «для варьете и не нужно, и не хочется».

Опасность, написанная над родиной Юлиана Тувима, определила перелом в его настроении, сообщила ему новые взгляды на задачи писателя.

Поэт отучился лицом к лицу с той смертельной угрозой фашизма, которую раньше считал далекой. Он воочию увидел дел разрушения, которые произвел фашистский враг в цивилизованном мире. Юлиану Тувиму стало ясно, что этого варвара необходимо уничтожить. Героическая борьба советского народа и его Красной Армии против кровавого германского фашизма показала Тувиму, что этого одиозного зверя победить можно.

В телеграмме, присланной в Советский Союз вскоре после вероломного нападения Гитлера на СССР, Юлиан Тувим признается советский народ, видя в его стойкости залог освобождения человечества от кровавой фашистской угрозы.

Когда в США было опубликовано обращение передовых польских общественных деятелей, заявлявших, что польская нация желает вести демократический образ жизни и сохранить мирные и дружественные отношения с Советским Союзом, под этим обращением стояла подпись и Юлиана Тувима. Он выступал в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и других промышленных центрах США. Он говорил американским рабочим о героическом сталинградском подвиге, где воплощается в жизнь слова польской песни: «Крепостью нам станет как-то».

Эти стихи Юлиана Тувима предельно горькой, прекрасной расцвет в его творчестве, в творчестве утонченного мастера польского стиха, сумевшего слить поэтические искания со стремлениями и чаяниями своего народа...

Близок час полного освобождения Польши от немецких захватчиков. На берегах Вислы уже звучат боевые песни Красной Армии-освободительницы. В городах и селах люди, вышедшие из подполья, несут из тюрем, где начинали строить новую жизнь. Юлиан Тувим вернется в родную страну, в родной город, в свой родной дворик, стнет вдохновенно воспеть им. И он принесет с собой новые стихи, в которых звучит новая правда его жизни и встретит ему «взайду друзей со словами приветия и слезами радости».

Мемуары Али Ага Шихлинского

БАКУ (От наш корр.). В издании азербайджанского филиала Академии наук СССР вышла книга Али Ага Шихлинского «Мои воспоминания» (на русском и азербайджанском языках).

В предисловии к книге лауреат Сталинской премии доктор военных наук Е. Барсуков пишет: «Имя автора этих интереснейших «Воспоминаний» авторитетом, было чрезвычайно популярным. Его знали участники войны — русско-японской 1904—1905 гг., мировой 1914—1918 гг., в особенности участники эпопеи Порт-Артура, прославленным героем которой был сам Али Ага. «Мои воспоминания» Али Ага — о службе офицером и генералом русской артиллерии — не только представляют большой интерес для широких кругов читателей Советского Союза, особенно земляков автора азербайджанцев, по праву гордящихся своим Али Ага Шихлинским, но и весьма поучительны для всех офицеров и генералов Красной Армии...»

Али Ага Шихлинский недвояко скончался. Свои воспоминания он подготовил в дни Отечественной войны на восьмидесятом году жизни. Шторм оккупационного периода, оригинальность личности автора и живость изложения делают книгу интересным явлением в современной мемуарной литературе.

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Недаром Пушкин подчеркивал нагрузку мысли, как основу вольтерского стиля. Все эти черты Вольтера неизмеримо существенно его исторической или социальной ограниченности — они близки потомству, они близки нам, близки пушкински: «Да здравствует разум!» и особенно близки нам, когда в борьбе за справедливость, за прогресс, за цивилизацию народ наш отдает жизнь и все помыслил, чтобы в ликующей победе услышать: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Ленинград.

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Иллюстрация к «Самсону» из амстердамского издания сочинений Вольтера (1745 г.).

Писатели вернулись домой

НА КРАСНУЮ ГОРКУ

Немного больше месяца тому назад столица Советской Латвии Рига праздновала свое освобождение. Словами радости и счастья встречали рижане своих освободителей. В город вступили и полки латвийских стрелков, которые в рядах Красной Армии прошли страдную боевую путь Подмосквы до родной Риги. Встретившись братья и сестры, матери дождались своих сынов.

Этот день был знаменательным и для латвийской литературы. Вместе с латвийскими стрелками в Ригу возвратились и писатели, которые три года тому назад в одном ряду с лучшими людьми народа вышли на дорогу войны.

В достижимой победе была частичка и их огня, и латвийские писатели всегда будут гордиться тем, что десять из них награждены медалью «За оборону Москвы», военными орденами и медалями.

С этими писателями в латвийскую литературу входит тема Отечественной войны. Стихи Валдиса Лукса и повести Арвиды Григуляйтиса тем и примечательны, что они родились в огне войны.

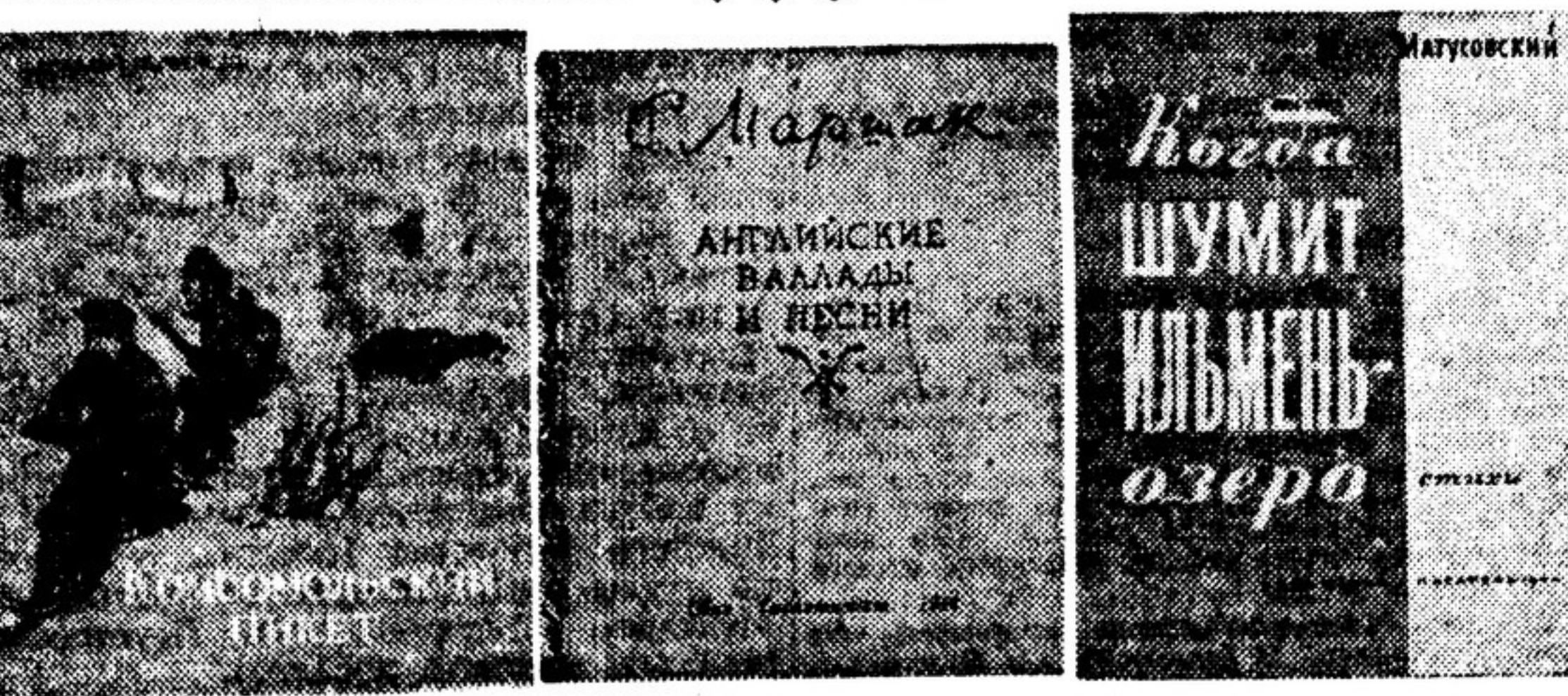
Но и те наши писатели, которые жили и работали в тылу, возвратились не с пустыми руками. Война не прервала их работы. Андрей Уинге привез историческую повесть «Спартак», которая является крупнейшим событием в латвийской драматургии, роман «Зеленая земля», несколько повестей и пьес. Сборник повестей и пьес о борьбе народа против немецких оккупантов написал Виллис Лауце, яркие книги военных стихов — Янис Судрабаскис, рассказы и повести — Айна Саксе. Молодая латвийская советская литература в годы войны отразила думы и чувства своего народа, вдохновляла его на борьбу против фашистских захватчиков. Это имеет важное значение для дальнейшего развития нашей литературы.

Латвийские писатели вернулись на родную землю, которая больше трех лет изнывала под гнетом немецкой оккупации. Каждая пядь освобожденной земли является для них мукой и страданием. Везде в Латвии, у каждого латвийского поселка Погуляйки, мы видели лагеря смерти, могилы, где погребены замученные советские люди, военнопленные и мирные жители. Такая же картина открылась перед нами у Саласпилса, затем в Риге.

Мертвые не могут рассказать о злодеяниях, которые совершили немцы на нашей земле, — от имени всех убитых и замученных должен говорить латвийский писатель. Тот самый немец, который разрушал и грабил Петропавловск, наложил свою руку и на памятники искусства и культуры Латвии. В руинах лежит замок Иелгавы, построенный Растрелли.

Мы обещали допустить каждому латвийцу места Земгалии и Латгалии, где родился и жил великий латвийский поэт Ян Райнис. В нескольких километрах от Даугавпилса находится Радане, здесь проводил детские годы Райнис. Теперь на этом месте чернеют камни и обугленные стволы яблонь и лип. Недалеко отсюда находится город Грина, он гордился старой школой, в которой учился Райнис. Это была одна из лучших школ Латвии с богатыми коллекциями и кабинетами. Стремительно продвигаясь Красной Армией поменьше немцам разрушить город, но тот короткий промежуток времени, который был в их распоряжении, они использовали для поджога старой школы. Немцы делали все, чтобы заставить наш народ забыть имя великого поэта. В первые же дни своего хозяйничанья они переименовали бульвар Райниса в Риге в бульвар Розенберга, палаца латвийского народа. Социени Райниса были внесены в списки запрещенных книг.

Освобождение первых городов и уездов Латвии совпало с днями памяти Райниса — в сентябре исполнилось пятнадцать лет со дня смерти поэта. В Даугавпилсе состоялся вечер его памяти. Создана Республиканская государственная комиссия для увековечения памяти Райниса, которую возглавляет народный писатель Анд-

Обложки новых книг (слева направо): Аркадий Перевцев — «Комсомольский пикет» (Детиздат), худ. А. Ермолаев; С. Маршак — «Английские баллады и песни» (Гослитиздат), худ. В. Лебедев; Мих. Матусевич — «Когда шумит Ильмень-озеро» («Советский писатель»).

В ТАЛЛИНЕ

Неотразимое впечатление производит Таллин на человека, впервые увидевшего его. Многоцветные каменные стены, опоясывающие центр города, круглые, серые башни, красные остроконечные крыши, лабиринт узких, кривых улочек, причудливая, могучая Обелиска (церковь святой Олафа), острый шпиц которого стремительно возносится в низкие, серые облака — все это крепко, прочно. Крепкий старик — так воспринимается этот город, построенный в начале нашего тысячелетия.

Городу нанесены тяжелые раны немецкими оккупантами. Уничтожено немало домов, местами целые улицы лежат в развалинах. И все-таки город не парализован, он только ранен. В городе действует около половины промышленных предприятий, работают учреждения, бани, прачечные, кинотеатры, многочисленные кофейни. Есть вода и электричество, — это заслуга таллинских рабочих, которые героически отстояли водопровод и электростанцию от разбоя отступающих немцев. Кроме основной общеполитической газеты «Радва хьяль» («Голос народа»), в Таллине издается еще несколько газет, в том числе молодежная, крестьянская, вечерняя газета, русская газета «Советская Эстония». Каждую субботу выходит богатая иллюстрированная газета, посвященная литературе и искусству «Сирп я васар» («Сирп и молот»).

В городе снова обретается пульс советской жизни. Входя от прекрасного здания самого большого таллинского театра «Эстония» остаются одни обгоревшие стены, тем не менее коллектив театра, приспособив под театральные здания одного из кинематографов в дни октябрьских праздников открыл сезон оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» в пьесой классика эстонской драматургии Августа Китберга «До зари в петушок».

Художники, собственноручно очистив от мусора и битого стекла «Здание искусства», в дни праздников организовали выставку картин, написанных за годы войны.

Эстонские государственные художественные ансамбли, созданные в 1942 г. в тылу Советского Союза, хорошо известные москвичам, знакомят таллинцев со своими

достижениями в области музыки и народного танца.

Зайдем в Союз эстонских советских писателей.

В двух комнатах, расположенных на третьем этаже большого здания Эстонского государственного издательства, сосредоточены пока те функции как самого союза, так и Литфонда и даже Клуба писателей. Сюда заходят писатели со всеми своими насущными нуждами, здесь обсуждаются пути работы.

Здесь снова, после трехлетнего перерыва, встречаются писатели, разлученные войной и немецкой оккупацией. Им многое надо сказать друг другу, о многом спросить друг друга. И вот, когда здесь, как бы между делом, заходит разговор — о Москве, о Ленинграде, о будущем Эстонии, о стихах, о театре, — то это на данном этапе, пожалуй, и есть самое важное.

В этих разговорах писатели, вернувшиеся из родины из Москвы, Ленинграда, фронта с Урала, делают своим политическим, художественным и политическим опытом, своей бодростью и верой в будущее с писателями, пережившими немецкую оккупацию.

А ведь писатель, прошедший три года в жесткой, душной атмосфере фашистской оккупации, переживший много унижений, нередко преследуемый, вынужденный жить в подвале, принужденный скрываться где-либо от немецкой мобилизации и вообще от вынужденных властей, порой потож на выдохе равняющегося от тяжелой болезни.

— Я вырвался, — с тожкою говорит таллинский поэт Юхан Сютоске, десять месяцев проведенный в фашистской тюрьме, три года молчаливый как поэт.

В своем прекрасном, глубоко искреннем стихотворении, начатом в «Сирп я васар», он пишет: «Минутку хотел бы еще безвольно постоять перед тобой, истрадавшая родина. Слишком жестоким был уроч. Чувство еще не постигает огненного зерна, еще от глаз отогнано сон».

Жизнь при немцах была бесконечно тяжелой. И нужно было много спокойного мужества, много душевной силы, чтобы выдержать все испытания.

Писатель Рудольф Сирге, ныне работающий в аппарате Союза писателей, также испытал фашистскую тюрьму. После этого, невзирая на отсутствие трех пальцев на его левой руке, Сирге призвали в немецкую армию. Ускользнув от мобилизации,

он вплоть до прихода Красной Армии укрывался в деревне. Он самистерил себе крошечный радиоприемник и, слушая передачу из Советского Союза, делался участником с крестьянским. Событийным мужеством «Сирп я васар» и повестуший о пяти сутках, проведенных в глухом каменном мешке фашистского карцера.

От фашистской оккупации сильно пострадала эстонская интеллигенция.

Эстонские рабочие и инженеры зарывали в землю ценные инструменты и части машин, крестьяне прятали от немцев хлеб и скот, а интеллигенция — книги и картины.

В деле защиты родной культуры эстонской интеллигенции принадлежит почетное место. Огромная библиотека Тартуского университета спасена учеными, которые вывели книги и позаботились об их сохранении. Десятки профессоров и доцентов понадеялись за это жизнью или свободой.

Магистр Март Ленник, директор Тартуского литературного музея, сосредоточившего у себя около 80 проц. всех вышедших в Эстонии произведений художественной литературы, спас богатства музея, вывезенные немцами прямо на улицу. В Таллине несколько историков поплачались жизнью, оказывая сопротивление немцам, вывозившим ценные экспонаты Исторического музея.

Эстонский Гослитиздат, главным и пока единственным редактором которого является Август Якобсон, председатель ЦСП Эстонии, не теряет времени даром. Советскому издательству в текущем 1944 году подготовлено около 16 книг, как оригинальных, так и переведенных с русского.

На 1945 год назначены к изданию романы и сборники стихов ведущих эстонских писателей, в том числе А. Якобсона, И. Септера, Я. Керра, М. Раула, Р. Сирге. В 1945 году под редакцией Яна Керра вновь начнет выходить старый, заслуженный журнал эстонской литературы и искусства «Лооинг». К криволинейным дням под редакцией М. Раула подготовлен к печати сборник басен Крылова в переводе на эстонский язык.

Хочется отметить большую активность эстонской литературной молодежи. Фельетон, очерк, стихи в общей печати, обязательный маленький рассказ в каждом номере «Сирп я васар», как правило, принадлежат перу одного из молодых писателей — Юхана Шмууль, Ральфа Парве, Лей-

Роман, который и скоро закончатся, есть первая книга трилогии, задуманной, как картина человеческих судеб большого времени. Самоотрадность в отдельности, все три книги будут связаны между собой главными и внутренними единством темы. Действие развивается на протяжении тридцати лет, но не в последовательности времени, а в сопоставлении трех исторических и сюжетно замысловатых периодов.

«События, изображенные в первом романе, происходят в 1910 году в большом волжском городе. Второй роман отно-

сится к 1918 году. Фабула его переплетена с эпопеями гражданской войны на Волге. Третий роман переносит действие в годы Отечественной войны, в Москву и на фронт».

В 1910 году протекает ранняя юность героя трилогии — революционера, юности и детство двух героев, один из которых в будущем становится активным участником революции. Лица Мешкова и Аночка. Их семья вместе с большим числом других персонажей идет, как и название, возможность нарисовать разнообразные круги общественной и характеры — учителей, актеров, рабочих, торговцев, грузчиков, а в военных частях — солдат, красноармейцев, офицеров.

Время является действующим лицом трилогии: весту события, родится дети, уходит старость. Время меняет людей, люди изменяют время, и время стремится изменить романы движущихся картин. Это должны быть романы нравов, в которых реалистические картины быта будут сочетаться с историей и с романтической героикой.

В праздник Красной Горки народ шел гулять за город. Рассаживались по рошикам, овражкам, на пригорочках, полянках, с семьями, с детьми и родней, с кумовьями и товарищами вокруг самоваров, котелков, скорородок, Варилы галушки, жарил баранину. Дымки костров застилали склоны окрестных гор, ветер носил запахи лиственной гари, притупленного, волей волей, по небу, сала. Пили казенный, винно-голосьни песни, играли на гармошках, гитарах.

Рагозини отправились на гулянье рано утром. Ксения Афанасьевна несла самовар, Петр Петрович — корзину спусоду. По пути соединились со знакомым семейством, нагруженным провизией. Пошли на гору прямой улицей, деревянными флигелями, заповалившие чуть не до самой вершины и все уменьшавшиеся в размере, точно у больших нехватало сил взобраться наверх и они отстали, а маленькие карабкались выше. В конце улицы торчали домишки об одно оконце, потом — землянки ниже человеческого роста, и на этих норах улица совсем прекращалась. Дальше гнилая лисья гора опоясывалась восточными стенами для удержания влаги, на уступах были насажены благоуханнейшими ярусами молодые деревья. Они прочно укоренились, потянувшись вверх, одни — долгожителями столетниками, другие — мохнатыми кустами. За вершиной, на просторе пологих склонов насаждения разрослись пышнее и уже шумели листвою, человек в них терялся, отдельные деревья высоко вымахивали корнями над куаровой порослью, словно предостерегая, каким будет лес. Здесь попадались овраги с оползающими обрывами почвы и с родниками на песчаном дне.

Место для лагеря выбрал Петр Петрович. Он сказал: «Хотел грозить мы бичом, но не удалось, ушел на край самого крутого обрыва, свесив ноги в овраг. Во все стороны отсюда видна была раскисаваемая ветром чаща зеленого молодняка. Принесли воды, раздули самовар, всей командой начали чистить картошку для похлебки».

Когда закипела в котелке вода, пришел Кирилл. Он повистел из кустов, Рагозини отозвался и, как только показалось его лицо между раздвинутой листвою, спросил:

— Легко нашел?

— По самовару.

— Самоваров много.

— Твой со свистом.

Он улыбнулся.

— Похлебку есть будешь, кавалер?

— Вуау.

— Ну, вот тебе ножик, чисти картошку.

Он говорил покровительственно, но с добротой, и Кирилл подражал ему в этой манере, так же, как подражал в тяжелой, какой-то поступи, и было похоже, что они посмеивались друг над другом.

— Кто так чистит? Слово карандаш топиши. В сылку попадаешь — теб за смеют.

— А зачем мне в сылку попадать?

— Картошку чистишь, а сылку чистишь. Смотри, как у меня получается: одна лепточка с целой картошкой. А тоненькая какая кожура, — на свет все видно, смотри. Смотри, через нее видать, как Ксения нам водочку наливает, видишь?

Он учил Кирилла крошить картошку в котелок и затирать подболочку из муки с подсоленным маслом, и перчить, и соли, и заправлять молодым луком. На приволье всякая еда радует сердце, и нет вкуснее пищи, склизненной на таганке и пахнущей дымком хвороста. Все чувства усиливаются и открываются в человеке, стоит ему присесть на корточки перед костром и потянуть носом парок закипявшего варена. И воздух становится слаще, и дали прелестнее, и люди милее, и жизнь легче. А всего только и надо — котелок.

После завтрака, развалившись на спине и глядя в небо, сквозь зелень танцующих на ветру веток, Кирилл припоминал вслух:

— Нам всем выдал по ведерку, маленькие заступы и деревянные колья, заточенные на одном конце и с перекладиной на другом. В ведра нам ткнули по пучку саженок — коротенькие такие прутики. И всей школой мы двинулись на горы. Тут все было размычено, и когда мы пришли, ведь стоили другие школы, без конца. Сажать было просто. Мы буравили колом в землю ямку, выткали в ямку прутик и закапывали заступом. Потом шли за водой, и каждый подливал то, что посадил. Прутики мне были по колено. Чахлае, сухие, в городе не верили, что они примутся. А иад тем, что лес будет, — смеялись. Когда мы вернулись в школу, нас фотографировали, как мы были — с ведерками, колыями,

заступами. У меня до сих пор нет снимков. Я сажу по-татарски, на земле, в ногах у учителя рисования, а внизу на фотографии — наледи: «праздник древонасаждения». Чудно, что уже девять лет прошло, и не верится, что вот это шумит, колыхается те самые прутики. Интересно, что будет тут еще через девять лет. Как ты, думаешь, Петрович? А? Ты знаешь, что будет через девять лет?

— Знаю.

— Ну, что?

— Мне стукнет сорок четыре года.

— Это и я знаю. А ты скажи — хорошо будет?

— Хорошо.

— А что хорошо? — спросил Кирилл, понижая голос. — Революция будет?

— Какой хитрый, — засмеялся Рагозини, — если я скажу — не будет, то ты сейчас — в кусты, да?

Кирилл долго не отвечал, пожевывая сорванный веточку нектара. Челюсти выпливали остатки пищи на запрокинутом огу языке. Валия его остановила, в желтые зрачки отражались плавающие зеленые пятна листьев. Сдвинутые брови медленно расправлялись, собирая молодцы морщинок на лбу. Он сказал совсем тихо:

— Я выбрал дорогу и не сверну никуда. Все равно, сколько придется идти — девять лет или двадцать девять.

Рагозини приподнялся на локоть. Оттого, что нос и щеки Кирилла были чуть-чуть посыпаны веничками, он показался Рагозини моложе, чем всегда. Он взял его руку, сжимая ее в своих жестких бугорчатых пальцах.

— Брось, — сказал Кирилл, стараясь высвободить руку.

Рагозини не отпустил.

— Оставь. Я знаю, ты сильнее.

Рагозини продолжал еще накрепкую сопротивляющуюся кисть Кирилла, чувствуя, как уменьшается ее стойкость, и улыбался.

— Ну, брось. Брось. Что ты хочешь? Он вырвал руку, потряс ее и размял пальцы.

— Время, — проговорил Рагозини, — время, дорогой мой, большое дело. Когда больно один день — одно. Больно сто дней — другое. Народ терпит. Ему не все равно — девять или двадцать девять.

Он повернулся, не поднимая с земли, к кусту и сказал громко на запрокинутом языке: «Смотри, как ты погулял!»

Ксения Афанасьевна пошла друзей к ролничку, их переклика и смех долго слышался, когда они скатывались в овраг по оползающей глыбе.

Наедине Рагозини спросил:

— Принец?

Кирилл вытнул из брючного кармана сверток прокламаций. Его разгладил и соединил с пачкой, которую Рагозини достал из корзины с посудой.

— Отчитывай по десятку.

Листки тонкой розовой афришной бумаги складывались в четвертку и прятались назад в корзину под полотно. Работа шла легко, и скоро последняя тетрадка, в пол-лэдони величинной, лежала на месте. Рагозини оставил корзину под куст и опять лег.

— В прежние годы на такой маючке всегда удавалось скопик прожить, — сказал он. — Ничего живи уюткой, — таская на спине весь свой дом, и кухню, и этажерку. Пей чай, играй на гармошке, а чтобы соблазнить поговорить — ни-ни: заваливай всю работу.

— Этак, конечно, и двадцать девять лет прожешь, за самоварами, да с гармошкой, — сказал Кирилл.

— Вель тебе мой самовар понравился, — как он свистит, — улынулся Рагозини и отчетливо повторил свист, которым встретил Кирилла.

Послушай. Никто не отозвался. Шумела, разгуливая волнами паучая, доснившая на солнце поросль, и ястреб чертил над нею бесконечные кривые, изредка разрезая пространство своим острым зевом, точно проводя алмазом по стеклу.

— Я на-днях познакомился с Цветушкиным, — сказал Кирилл. — Знаешь?

— Слышал. Вон ты куда махнул.

— Я не махал. Просто — слушай.

— А ты не сердишься.

— Я не сержусь. С ним еще был Пастухов. Драматург такой. Известный.

— Так, так.

— Интересно, какой у них образ мысли?

— Ты говоришь?

— Немного. Об искусстве. Собственно, о балаганах. Мы на балаганах встречались.

— Ну?

— Ничего особенного. Они слабо отдаются себе отчет, на каких научных основаниях построены иллюзии. Ну, там женщина-паук и другие фокусы. Некоторую путаницу я заметил.

— Необразованные? — подсказал Рагозини усмехливо.

— Я думаю, — в котросам физики равнодушны.

— А-а-а...

— Интересно дать им прокламацию...

Рагозини присвистнул и, откинувшись с лица волос, прижал их ладонью к голове, чтобы они не мешали получить смотреть на Кирилла.

— Ты дал им прокламацию?

— Нет. Это мне сейчас в голову пришло.

— Может, они порлаютные люди, — сказал Рагозини, успокоившись, — я не знаю. Но уж тут — семь раз отмерь, один отрежь. Какой может интерес толкать их к нам? Любопытство? Рабочий к революции приходит, как к себе на квартиру, — больше деваться некуда. А они могут подумат.

— У меня именно мысль мелькнула — как они отнеслись бы? — сказал Кирилл.

— Оглядываясь. Матери своей ты разве не можешь довериться, — а по-малкиваешь и с ней, верно?

Легкий свист послышался неподалеку, и Рагозини кивнул:

— Вот он, мой самовар-то.

Он повторил свист. Минуту спустя, на край оврага вышел из чащи выстуженный старик с бородкой клином, в черной праздничной паре и глянул окрест себя.

— Забудлиась? — громко кликнул Рагозини.

Старик неспеша пошел, поздоровавшись, приподнял черный поношенный картузик с узкой тульей.

— Хорошее местечко выбрал, Петр Петрович, для чаепития.

— Милости просим.

— Благодарим. Откушали.

— На свежем воздухе весело пьется. Садись.

— Посидели.

— Ну, постой, коли ноги держат.

— Ноги привялишь. Двадцать лет в цеху стоят, шестидесять лет мерить.

Он снова огляделся. Кусты были очень высокие — как картошки.

— А тут с каждым годом зеленее становится. Лес наступает, — произнес он с одобрением.

— Вот молодежь старалась, садил да поливала, — сказал Рагозини.

— Так, — вымолвил старик, прищурившись на Кирилла. — Раньше, чай, старики для молодых са-или, теперь, что же, обратно получается?

— Есть молодые, которые не только о себе думают, — вдруг ответил Кирилл, глядя прямо в прищуренные глаза старика.

— Так... Заодно с нами садить желают?

— Задно, — твердо сказал Кирилл.

— Так — опять подлакнул старик и перевел глаза на Рагозини. — Что это мы с ними, с молодыми, будем садить, Петр Петрович, какие сады малиновые?

— Дай-ка корзинку, — попросил Рагозини Кирилла.

Он вынул из-под полотна тетрадку, подал ее старику. Тот взял, покрутил в пальцах, словно прикидывая прочность и вес бумаги, нагнувшись, подтянул до колена одну штанину, аккуратно зажал листки за голенище рыжего шершавого сапога и так же аккуратно поправил брюки.

— Не маловато будет? — спросил Рагозини.

Старик помолчал, потом качнул головой назад.

— Пожалуй, как бы на одну ногу не закрошал.

— На вот, чтобы тебя за пяного не сочли, — сказал Рагозини, подавая ему еще тетрадку.

Старик спрятал ее в другой сапог.

— Спасибо за хлеб, за соль. Бог няпал — никто не видал, — подмигнул он Кириллу и неожиданно широко усмехнулся.

— Будем, значит, знакомы. А как нас величать, что ты нам скажет Петр Петрович, Верно?

— Верно, — согласился Рагозини. — Поговорить есть о чем?

— Разговор сам собой найдется.

— Ну, подсаживайся. А ты, Кирилл, ступай потихоньку ко дворам. Да умно иди.

— Я на Волгу пойду, — сказал Кирилл и протянул старику руку.

— До свиданья, товарищ дорогой, — проговорил старик опять со внезапной ласковой усмешкой.

— До свиданья, товарищ, — буркнул Кирилл, чувствуя, как жидкая вода из груди, изогнувшись и поджигая шею, виски, уши, всю голову.

Он бросился в шагу широком шагом, распахивая перед собой спутанную, цепкую поросль, точно плывя по зеленому волнам гомоящего моря и слыша в буйствующих переливах повторяющееся шуме слово: товарищ, товарищ! Это его, Кирилла Извекова, впервые назвали таким словом — товарищ, — и он сам впервые назвал таким словом — товарищ — старика — из тех людей, с какими ему предстояло жить в будущем. Он шагал и шагал, иди лучше — плыл и плыл, пока прохладные, шелестящие волны зеленого цвета его к острову на ласкую макушку горы и отсюда не увидел он — в дуге возвышенностей — огромный город, деревянный по краям, каменный в центре, точно пирос на кучки, изрезанный улицами на ровные кварталы. Внизу лежал этот непотопный деревянный пирос с каменной напичкой, сверху колесили по синева напичанные ветром холмы облаков, а под самыми ногами Кирилла гниво изгибались вершины холмов, и по этой гниве он пошел к Волге.

Он обегал по сплуду одного холма и взбирался на вершину другого, чтобы снова бежать вниз и опять подниматься. И это было такое же плавание, как по молодой зеленой чаще, только волны холмов были больше и вместо листьев он рассекла горько-сладкий дух свежей почвы, обвешая горы своим пряным дурманом. Так он приближал к обрыву, который падал в Волгу, и сел на обрыв, растегнув воротник рубахи, скинув фуражку, сбросив пояс.

Сердце било ему в грудь требовательно.

Н ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ТУРМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

АШХАБАД. (От нашего корр.) 10 декабря трудящиеся Туркмениста отмечают двадцатилетие своей республики. Новые стихи в связи с знаменательной датой написали поэты Аман Кекчюль, Берды Карбаев, Луры Халдуры, народный шакир Ата Салих, поэты Рахмет Сендов, Георгий Веселков и Акмухамет Аманов.

Выпущен большой литературный альманах «Ватан» («Родина»), включивший избранные произведения классиков, советских писателей и туркменского фольклора. Сдается в печать сборник военной лирики Кара Сейтлыва в переводе Ю. Олешин. Рассказы и очерки о росте республики за годы советской власти, об участии туркменского народа в Отечественной войне готовятся Ата Кашуруч, Холжа Намалов, Берды Солтанов и А. Абдыкарим.

Туркменский радиокомитет к двадцатилетию республики организует ряд литературных вечеров и выступлений писателей у микрофона. Славной голубицей посвящен специальный номер литературного журнала «Совет Едебаты».

ными ударами, и он смеялся, и потому что не знал — чему смеется, — не мог остановить смеха, а сидел, спустив ноги с обрыва, покачиваясь, и смеялся, и смех казался ему и разговором, и песней, как чуждая поэзия на Востоке, — песней о том, что он видел и слышал.

Он видел неохотную долину, по которой шла гнилая река. Видел Зеленой остров, покрытый тальником, вполнуху раста затопленным водой и послушно клонившим свои бедные верхушки под накатами ветра. Видел оранжевую беляну, почти мертвешью по середине реки, похожую на спичечный домок, да где-то далеко-далеко, один за другим — два каравана баржей, точно стелжи распоротой строчки. Получили тени облаков платили рибньюю барашками поверхность реки, разгулявший тальника на острове, скученную толпу судов у городского берега. Все двигалось и вылилось отдаленным говором работавших насосов, вострый доносился ветром и нисколько не мешал все обвешивающей тишине.

Отдохнув, Кирилл подобрал ноги, обнял колени и, крепко уткнув подбородок между тугих щечек, стал приводить мысли в порядок. Он задавал себе строгие вопросы: — чего я хочу? — кем я буду? — что главное в жизни? Но как только он намеревался уложить в слова хорошо угадываемый ответ, слова ускользали из яви в какой-то полусон и превращались в расплывчатые, приятно-красочные разводы. Ему чудилось, что он переживает работу писателя, но было больше массы пестроты: река поднималась до горю вверх и текла в небо; смежные сурбовы облаков направлялись в коридор бездонного опустевшего русла; черные дубы устанавливались по берегам в аллею; по аллее катились беляна, с громом разматываясь, как невиданных размеров клубок, и оставаясь под себя ровно вымощенную ятарными бревнами дорогу. Кирилл стоял перед красной доской и делал расчет своей распрощенной руки, и проповедатель черные обособленно метал гололой и сбрасывал ее своего истонченного коса пестроты. Другое третье — все быстрее, быстрее — тысячи пенсис усталили мершающую рбьюю стекло далекому, далекому воду. «Хорошо, — говорил чертежник, — но чтобы сдаться экзамен, ты должен познать в разрезе город, в котором хочешь жить». Тогда чертеж Кирилла начал расти, расти, выходя за пределы доски, и доска бесконечно наращивалась, и на ней появлялись одинаковые, как соты, комнати, над которыми мчались тени облаков, и в одной комнате стояла Лица. И Кирилл вошел в эту комнату. «Я слыла все экзамены, — сказала Лица, — отвернись». «Зачем?» — спросил Кирилл. «Отвернись, и тебе говорить «вель ты — мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных, и когда она, подняв над головой руки, начала растягивать их, ее длинная коса запуталась в крошечках, и он подошел и стал вытуживать из крошечных волос и расплетать коосу. Коса пала полынью, и запах был удущающей силы, и все сгустилась и тепле. Лица поворачивалась медленно, медленно и когда повернулась, Кирилл увидел милое лицо мамы — с опинками над верхней губой и на блузе — и мать ты — «мой жених». — Лица сказала он. «Все равно, отвернись», — повторила Лица и отвернулась сама. Платье ее на спине было застегнуто множеством крошечных,

Л. ДМИТРИЕВ ФИЛЬМ О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

«В шесть часов вечера после войны»

Размышляя о качествах советского человека, благодаря которым он выходит победителем из величайшей войны, мы прежде всего вспоминаем особенно важные черты его духовного облика, как бы дающие ключ к верному пониманию всего характера. Они общезвестны. Это глубокая преданность советской родине, пламенная ненависть к ее врагам, твердость в суровых испытаниях, верность в дружбе и любви, неиссякающий оптимизм, вера в победу, основанная на живом ощущении непреодолимой силы народа, подвизающегося на защиту родной земли. У каждого человека эти черты принимают «особый», свой оттенок, свою окраску, но моральная основа характера остается неизменной; и в этом кроется одно из оснований «чужды», над которыми ломают головы некоторые западные наблюдатели, свалив доверие к советскому народу в счастливое со страшными силами мрака, провозгласив покорить весь мир, и не только выстоял, но и победил и вместе со своими союзниками стоит в преддверии полной победы.

Несомненная заслуга И. Пыррева и всего творческого коллектива, создававшего фильм «В шесть часов вечера после войны», состоит в том, что им удалось — в пределах избранного ими жанра — ясно и правдиво передать именно эти, существенно важные духовные черты советского воина.

Нет надобности излагать здесь ход сюжетных событий нового фильма: тому, кто видел картину, такой пересказ неинтересен, а тому, кто не видел, он вряд ли что-нибудь «объяснит». Скажем кратко: это отрывки из биографии наших современников, рядовых советских людей — двух неразлучных друзей, офицеров-артиллеристов, и девушки, воспитательницы из детдома, — идущих вместе со всей страной по трудной дороге войны через самые тяжелые испытания, через бои, через горе разлуки — к светлому часу окончательной победы, в которой есть большая доля их труда и мужества.

Сценарий В. Гусева дал исполнителям и постановщику трудный, но благодарный материал. В поэтическом тексте фильма легко уловить особенности творческой манеры Гусева-драматурга: здесь ясно ощущаются отзвуки и «Славя», и поэмной театральности работы талантливого поэта — «Сныговья трех рек». Здесь и лиризм, и неслыханный для художника стремление к ясности характеров, разговорная плавность и простота диалога. В стихах-репликах часто применяется прием, который на языке литературной техники называется «enjambement» — окончание фразы в середине стихотворной строки. Этим почти стираются грани между стихотворным и прозаическим диалогом; и вместе с тем герои своей стихотворной некая возвышенная простота, приподнятость, целиком отвечающая характеру их чувств.

И. Пыррев на протяжении многих лет выступает как смелый инноватор темы и жанра. Его картины «Богатая невеста», «Трактористы», «Савиарка и пастух», «Секретарь райкома» были живыми и немедленным откликом на то, что составляло самую основу жизни народа в пору, когда эти ленты создавались. И в новой своей работе И. Пыррев обращается к современности и даже пытается приоткрыть завесу будущего. В этом смысле он своей творческой деятельностью как бы полемизирует с теми деятелями искусства, которые просят отсрочки у своего времени и даже выработали «теорию» о мнимой неизбежности разрыва между эпохой и творчеством художника, берущегося за ее изображение.

Картины И. Пыррева, о которых мы вспоминали выше, объединены и другой

Вари: А я Кудряшов никогда уже больше не увижу...

четрой — все они (кроме «Секретаря райкома», сделанного в драматическом жанре) представляют попытки создания и утверждения нового вида киноязыка, сочетающего элементы музыки и драмы, юмор и патетику, веселое и возмущенное. Здесь И. Пыррев чутко откликается на запросы широких кругов зрителей, стремящихся найти в новых фильмах и героики нашей современности, и веселую шутку, и песню, которую можно было бы запомнить и унести с собой из зала кинотеатра. Новая картина, поставленная по сценарию Виктора Гусева (так же, как «Савиарка и пастух»), интересно и успешно развивает новый жанр, которому, бесспорно, принадлежит большое будущее.

Во вступительных титрах фильм назван «Музыкально-поэтическим». Этот обязывающий подзаголовок обоснован художественным строем картины. Удалая музыка Т. Хренникова и отлично снятые В. Павловым пейзажи (в особенности любовно запечатленные картины осенней и зимней русской природы, пейзажи Москвы) органично сочетаются с драматическими эпизодами; обычный диалог легко и естественно переходит в стихотворный, в песню; планка также не прерывается в самостоятельную «кастовую» песню, как это часто случается в картинах, а становится необходимой частью общего художественного целого.

Режиссером найдены интересные и многообещающие пути решения многих вопросов, которые служили в кинематографии предметом ожесточенного творческого спора. Приходилось не раз слышать, например, что кино по природе своей не терпит условности и что ему противопоказаны стихотворный диалог или даже целые жанры — такие, как опера. В картине «В шесть часов вечера после войны» кадры, где Кудряшов, протиснувшись с невестой, скачет вдоль лесной опушки и по широкому полю, создают песенный образ, и рядом с ним легко находят себе место песни девушки, провожающей возлюбленного на битву.

И в общем решении фильма, и в трактовке роли И. Пыррев не боится резкого плакатного мазка, прямого хора, отбрасывает нюансы и полутоны, свойственные, скажем, камерной психологической драме. Фильм очень прямолинейен, все эпизоды, поступки героев, все изобразительные элементы картины устремлены к ясной цели.

У Марины Ладнойной — трудная роль. Встречи Вари с любимым, и разлуки, и снова встречи вплоть до последнего расставания сходятся «на мосту» в шесть часов вечера после войны. Но артистка умеет не повторяться и простыми средствами создает убедительный образ русской, советской женщины, героической участницы войны.

Е. Самойлов, в творческой биографии которого есть и такие работы, как заглавная роль в «Шорсе» и менее удачные попытки создания комедийных ролей, находит в новом фильме удачное применение своему актерскому дарованию. В роли Кудряшова он хорошо передает и романтические черты героя, и ту внутреннюю улыбку, которой освещен этот образ, и силу большого, трагического переживания в тех сценах, где Кудряшов, повторяя свой юг на войне, ищет решения своей судьбы. С большим умением и тактом проводит он психологически сложный эпизод, где очень легко было скатиться к мелодраматической банальности и фальши, — сцену, в которой ставший инвалидом Кудряшов просит друга сообщить новости, будто он убит.

В роли боевого соратника Кудряшова — лейтенанта Демидова — И. Любенов работает хороним и точным комедийным мастерством, без гротескных нажимов и нарочитого комбинирования.

Стоит особо отметить, что актерам удалось эпизоды боев: в батальных кадрах участники сражений «идут» все время остаются в центре внимания авторов и зрителя.

«В шесть часов вечера после войны» — удача советской кинематографии, которая в годы войны ищет творческого решения новых тем, выдвинувших жизнью и борьбой советского народа.

Корней ЧУКОВСКИЙ Ленинградским детям

Прочтается над вами
Года за годами,
И станете вы старичками.

Теперь белобрысы вы,
Молодые,
А будете лысые вы
И седые.

И даже у маленькой Татки
Когда-нибудь будут внучки,
И Татка наденет большие очки
И будет вазать своим внукам перчатки.

И даже двухлетнему Пете
Будет когда-нибудь семидесять лет,
И все дети, все дети на свете
Будут называть его: дед.

И до покая будет тогда
Сдая его борода.

Так вот, когда станете вы старичками
С такими большими очками,
И чтоб размять свои старые кости,
Пойдете куда-нибудь в гости, —
(Ну, скажем, возьмете внука Николку
И поведете на елку),
Или тогда же, — в две тысячи двадцать
четвертом году —

На лавочку сядете в Летнем саду,
Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь
маленьком скверике
в Новой Зеландии или в Америке.

Всюду, куда б ни захвати вы, всюду,
Везде, одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго
и Кракова —

На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
«Он был в Ленинграде... во время
осады...»

В те годы, вы знаете, в годы
блокады»
И снимут пред вами шляпы.

Дом Александра Грина в Старом Крыму

Небольшой трехкомнатный дом по ул. Карла Либкнехта, 44, в Старом Крыму. Здесь работал и провел последние годы жизни Александр Степанович Грин. До войны в этом доме-музее было бережно собрано все, что относится к биографии и творчеству автора «Алых парусов». Вскоре после оккупации немцы в этом старинном особняке, утопанном в зелени, устроили коноплеу.

Есть тупое однообразие в методике «клевания» фашистских захватчиков. Музей, прежде, дома писателя и художника, все, что связано с национальной культурой народа и его искусством, они неизменно старались запечатать, осквернить, превратить в конюшни и свиньи хлев.

Старый Крым — город партизан, город живых традиций. Здесь партизанские соединения ни на один день не прекращали своих действий. Вот почему разгул фашистских оккупантов здесь был особенно яростным.

Многие культурные учреждения Старого Крыма фашисты сожгли дотла. Они пытались уничтожить старейшую единственную в Старом Крыму библиотеку, Западную библиотеку тов. Горбатова, не выдержав на прозвучавшую ей опасность, оберега от покушений бандитов большое количество книг. Ей также удалось сохранить и наиболее ценные книги и рукописи А. Грина. Я видел у нее аккуратно сложенные стопки первых книг писателя, графики, фотографии, записные книжки и среди них — папка потемневших писем. Много писем Паустовского к Грину. Все бережно перевязано, лежит в полной сохранности.

Истерзанный врагами городок залечивает свои раны, воскресают культурные очаги. Надо восстановить и дом-музей А. С. Грина, чье имя особенно дорого крымчанам. Пора увековечить память писателя переименованием одной из улиц Старого Крыма, где жил писатель, в улицу Грина.

Эвард ШОЛОК.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Ленинградское отделение Союза советских писателей утвердило новый состав редакционной коллегии журнала «Звезда». В ее состав вошли: В. Саянов (ответственный редактор), И. Груздев, В. Орлов, А. Прокофьев, проф. В. Маршак. В журнал вводится ряд новых отделов, привлекаются новые авторы.

Сцена из четвертого акта. Арт. Л. Скопина в роли Ларисы и А. Дорошевич в роли Киурова.

всегда предпочтительный тихий ход к жертве, которую он облюбовал. Наоборот, иррационному Вожеватова Д. Чернышкова при первом замысле роли хватает разнообразия жизненных оттенков в речи его «Васи»: этот будущий Киуров у Островского умнее, острее, а в конечном счете опаснее и зловернее, чем тот пустой, несколько фатоватый «вернейчик», которого мы видим на сцене. Вожеватова надо сыграть так, чтобы мы согласились с Гаврилой: «В лета выдет, такой же идол будет».

То же случилось с Паратовым. У Островского он сложнее, чем в спектакле. Артист Л. Бордуков придал ему аллоид, дерзость, даже наглость; этими качествами его Паратов так сказать, штурмует людей — всех без исключения, от Вожеватова до Робинзона. Все это, конечно, есть в Паратове, но есть у него и другое: широкая натура, размах, действительная способность увлекаться и потому увлекать других. Вот за эту способность увлечения, за этот талант жизненного размаха положил его Лариса, эту удалу чувствуют и нем выгнане, которым нужны не только его деньги (их у Киурова куда больше!), но и размах его в песне, в разгуле.

Такого размаха вовсе лишены Карандышев. В нем нет ни силы души, ни силы ума. Он не чувствует поэзию, не звучит для него музыка. Эту нервную суету-

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Стихи Юрия Каприалова

Молодой поэт Ю. Каприалов (Новосибирск) еще в 1934 году прислал свой стих «Первый паровоз», «Письмо к отцу» и другие на литературный конкурс в Ленинград. Стихи тринадцатилетнего мальчика обратили на себя внимание жюри и были год спустя напечатаны в сборнике детских стихов, выпущенном в Ленинграде под редакцией С. Маршак. Надпись Ю. Каприалов выступил на очередном заседании Областной комиссии преидумия ССП СССР с новыми своими произведениями. Молодому поэту пришлось выслушать немало суровых слов от писателя, участвовавших в обсуждении. С. Маршак и Т. Габеев, знающие его детские стихи, и Н. Замошкин, С. Марков, Л. Мартынов, В. Шкловский, И. Розанов, М. Голышев, М. Слонимский, Г. Ершов и А. Карцев, познакомившись с ним лишь теперь, указывали на то, что свежесть и оригинальность детских стихов оказались утраченными, а мужественность, накопленная в новых стихах.

— В юности у Каприалова было больше смелости, — говорит С. Маршак. — Залор и своеобразия первых стихов уступили место традиционности. Новые стихи несом-

ненно талантливого поэта Юрия Каприалова легковесны по мысли, несомненно бытны по форме. Поэт должен чувствовать больше ответственности за каждую свою строку, за каждую вложенную в нее мысль. Только пахать землю плугом, и если вдруг во время пахоты делается легко, — это значит, что плуг пошел по поверхности и не вспахивает землю. Если поэту пишется легко, значит он пишет поверхностью.

— Перевал от детской даровитости к поэзии очень сложен, — сказал В. Шкловский, — и он лежит в большинстве случаев через биографию поэта. Литература не делается без жизни. Зерно таланта, попав в плодородную почву, должно пройти свой «период яровизации» — обработки холодом, тогда оно даст богатые всходы. В стихах Каприалова не чувствуется его биографии, прикосновения к жизни, пережитому.

С. Марков, Л. Мартынов, М. Слонимский и др. указывали на то, что в стихах Каприалова нет своего видения вещей, явлений; в них чувствуются литературные способности, но это еще не поэзия. Повидимому, Ю. Каприалов находится на творческом переделе.

Краткие биографии великих людей

Этой теме было посвящено 18-е собрание секции художественно-исторического жюри Союза писателей. Обсуждаемая серия «Великие русские люди», издаваемая «Молодой гвардией».

С докладом выступил Борис Агатов. По его мнению, в такой биографической книге необходимо создать художественный образ героя, сжато и занимательно ознакомить читателя с его профессией и с usualными моментами жизни.

Исходя из этих положений, докладчик считает, что авторы биографий, выпущенных «Молодой гвардией», неясно представляли себе свои задачи, и потому большинство книг не удовлетворяет нашим требованиям. Докладчик тщательно разобрал книги Г. Черного и Е. Черной о Чайковском и А. Сидорова о Репине, которые кажутся ему крайне неудачными и дал положительную оценку биографиям: металлурга Чернова, написанной Л. Гумилевским, и Тимирязева — В. Сафоновым. Почти все участники прений согласились с положениями, выдвинутыми докладчиком.

В секции поэтов

На состоявшемся на днях организационном заседании секции поэтов ССП СССР были обсуждены основные задачи и план работы секции. Для первых творческих веревек постановки будут устраиваться в клубе еженедельно по пятницам чтения и выступления М. Светлова, М. Алигер, М. Матусовского, Л. Мартынова и др.

В первых числах декабря бюро секции совместно с Государственным филармоническим

на составившемся на днях организационном заседании секции поэтов ССП СССР были обсуждены основные задачи и план работы секции. Для первых творческих веревек постановки будут устраиваться в клубе еженедельно по пятницам чтения и выступления М. Светлова, М. Алигер, М. Матусовского, Л. Мартынова и др.

В первых числах декабря бюро секции совместно с Государственным филармоническим

Радиопостановки на исторические темы

Литературно-драматический отдел Всесоюзного радиокomiteта посвящает серию радиопостановок выдающимся людям русской истории, нашим великим предкам. Не раз уж переиздались по радио специальные постановки о замечательных русских полководцах — «Суровое», «Батраки».

Теперь заканчивается работа над радиопостановкой «Дмитрий Донской по роману С. Бородин». Авторы этой радиопостановки — С. Бородин, музыка Б. Мокроусова. Роль Дмитрия Донского исполняет Б. Ливанов.

В радиопостановке участвуют артисты МХАТ СССР: А. Чебан (отец от автора), Н. Свободин (боярин Тютчев), Н. Курочкин (Ольга, князь Рязанский), Н. Антонов (воевода Боброк), С. Бутурин (боярин Стародубский), Н. Хошанов (Мамай). Режиссеры — Б. Ливанов и Г. Кошкин.

На основе исторической драматической хроники А. Островского «Евгения Захарьича Минина», много лет не шедшей на московской сцене, делаются радиопостановки Н. Волконский.

НОВЫЕ КНИГИ

В книге А. Сербичского «Пустофиль и другие рассказы» повести про животных для детей младшего возраста. Просто и авторитетно рассказаны рассказы о жизни животных, их повадках. Рисунки к книге — Л. Никольского.

М. Шкловский — «Кристаллы». Научно-популярная повесть о том, как много чудесного и удивительного в мире природы, как много еще неизведанного и неисследованного.

Книжка К. Федина «Малышечки» — рассказы: «Саванна», «Вся», «Малышчик из Саванны», «Командир». О большой тайгой в лесу рассказывается о детях — участниках Отечественной войны.

Книжка В. Осесной «Волшебное слово» — рассказы для дошкольников. Рисунки А. Лавыловой.

Книжка А. Колесникова «Сладкие» вышла в переводе с украинского Е. Влациной, с рисунками О. Римской-Дорославской.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В сборник «Русские песни» (сост. Н. Захаров, под ред. И. Розанова) вошли наиболее интересные песни, статьи и новеллы. Отвечает за сборник Л. Ильясович Ожогин, в первом разделе даны известные дореволюционные песни: «Реска бузина, дождь шумит...», «Идет по Волге ступа...», «Идет по Волге ступа...» и др. во втором — советские песни: «Великая Отчизна свободные дети...», «На протоптанной поляне...», «Широка страна моя родная...» и др.

Сборник «Три-четыре» составлен из стихов М. Алигер, К. Ойзона, О. Вергелюга, А. Сидорова, М. Матусовского, А. Байро, О. Шкловского, Д. Давыдова и др. В сборнике рассказов И. Тихонова, Л. Особова, В. Коженикина, И. Баскина и др. Отдел «Светлая и юмор» включает произведения С. Маршак, Л. Плещина, М. Слободского.

В спектакле Театра транспорта этого общего плана приняты артисты МХАТ, как и в первом, и самого романа Г. Грин. А с этого порога начинается трагический исход Ларисы — в смерть.

Драма Ларисы остается у Л. Скопиной в пределах лирической грусти и тоски и не поднимается до высот трагической борьбы и гибели.

А это предпринят и судьбу всего спектакля. Добротный по работе постановщика, художника и исполнителей, благородный по любяще-почтительному отношению к Островскому, он не поднимает печальную историю Ларисы Огудаловой до трагедии.

Но спасибо Театру транспорта за то, что он просто, ясно и с добрым чувством рассказал печальную повесть бесприданницы — повесть, которую мы давным-давно не слышали с театральных подмостков.

К. ИТУМНОВ народный артист РСФСР

Антон Рубинштейн

Полвека прошло со дня смерти великого русского композитора, пианиста и талантливейшего музыканта-просветителя.

Вспоминая Антона Рубинштейна, невольно думаешь о том, что целые поколения музыкантов нашей страны многим обязаны его замечательному дарованию и организаторскому таланту.

Огромное обаяние его личности с особенной полнотой чувствовалось в Рубинштейне-пианисте.

Я помню его концерт в Москве в восьмидесятых годах.

Играл он просто, без претенциозности. И слушатель эмоционально захватывала особая неуверенность тона, свойственная его игре, в которой все было подчинено содержанию исполнявшейся им музыки. Антон Рубинштейн по праву считается первым пианистом в мире.

Удивительная непосредственность, напевность характерны для лучшей части его композиторского творчества — фортепьянных произведений.

Из многочисленных его оперных произведений выделяется широко известная опера «Демон», которая заняла почетное место в ряду лучших творений русской музыкальной культуры.

Всех, кому довелось встречаться с этим выдающимся человеком, поразили его колоссальная энергия, творческая продуктивность и кипучий организаторский деятельный характер. Ему было присуще неутомимое стремление совершенствоваться, впитать все лучшее из мировой музыкальной культуры. В нем оле исполнителюского мастера были семь программ цикла так называемых исторических фортепьянных концертов, куда вошли лучшие произведения Баха, Ветховена, Шопена, Шуберта и Глинки. По образу и творческой напряженности исполнению этих программ требовалось участие целой группы пианистов, однако исполнителем этого цикла являлся один А. Рубинштейн.

Концерты прошли с огромным успехом в крупнейших столицах Европы: в Петербурге, Москве, Париже, Лондоне, Вене. Каждый из концертов Антон Рубинштейн повторял специально для учащейся молодежи.

Рубинштейн всегда горячо ратовал за организацию профессионального музыкального образования в России. Он поставил своей целью поднять музыкальную культуру России на высоту достойную гения ее народа. Поэтому отдал много сил концертному делу и выступил организатором первой русской консерватории в Петербурге. Под его непосредственным руководством в консерватории получил профессиональное образование П. И. Чайковский.

В наши дни широко распространилась музыкальная культура в советской стране, выросла целая плеяда замечательных музыкантов. И то, что теперь у нас в любом оркестре каждый музыкант имеет серьезное профессиональное образование, является лучшим памятником великому художнику.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА

Памяти А. Г. Рубинштейна было посвящено собрание, проведенное 20 ноября Государственным центральным музеем музыкальной культуры. Академик В. Асафьев выступил с докладом о творчестве Рубинштейна и его роли в истории русской музыкальной культуры. Музей организовал внутреннюю выставку, отражающую жизненный и творческий путь композитора.

Выставка, посвященная памяти А. Г. Рубинштейна, организована научной библиотекой Московской консерватории.

На концерт, посвященный знаменательной дате, были исполнены симфонические и камерные произведения Рубинштейна, его романсы и отрывки из опер.

Эстрадные премьеры

В декабре члены Всесоюзного гастрольно-концертного объединения покажут в Москве ряд новых эстрадных программ, составленных из произведений русских и зарубежных певателей.

Антон Шварц готовит вечер американской новеллы. В новую программу вошли песни: Эдгара По, О. Гейри, А. Бирса, Э. Колдуэлла и Лестерона Хьюза.

Артист работает также над большой литературной композицией «Бородиноское сражение» (по роману Л. Толстого «Война и мир») и программой, состоящей из произведений советской поэзии. В программу войдут фрагменты из произведений А. Толстого («Летство Никиты», «Ходжение по мукам»), Ю. Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкины») и К. Паустовского (новеллы военного времени).

Литературно-музыкальную композицию «Алые паруса» (по Грину) подготовил чтец С. Акиев совместно с композитором В. Юрковским. Эту композицию артисты ВГКО покажут сейчас на кораблях Северного флота.

Над новой эстрадной программой «Современники», включившей произведения Чехова, Горького и Маяковского, работает Л. Каврацкая. Н. Голубенев подготовил литературную композицию «Любовь Константина Левина» по роману Л. Толстого «Анна Каренина». Новая программа Э. Каминской посвящается творчеству трех бурное пианистов: В. Хлебникова, В. Маяковского и Б. Пастернака.

Литературную композицию «Боярыня Волхова» по роману А. Толстого «Петр I» подготовила Л. Шумская в постановке режиссера МХАТ М. Кнебель.

В несколько строк

Творческий вечер П. Бажова состоится в Московском клубе писателей 27 ноября. Артист Д. Орлов и сценическая В. Фуксика прочитают стихи П. Бажова.

Открытие на Ленинградском фестивале прочтет В. Инбер на вечере в Клубе писателя 29 ноября. Вступительное слово — В. Риневского.

23 ноября в редакции «Звезда» состоялась встреча автора с писателями К. Ойзона, В. Вожеватова, В. Вожеватова и полковником К. Волгиным, посвященными к своим поездкам по Румынии, Югославии, Болгарии и Шриланке.

Газета «Гаврильские работы» посвятила одну из своих страниц памяти умершего пять лет тому назад уральского писателя А. П. Бондина. Автор книги «Белый школь», «Дорога», «Колоски» и др. В газете опубликованы статьи П. Бажова «Славный путь» и К. Р. Рубинштейна «Последние встречи» — о жизни и творчестве А. П. Бондина.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

Рядом исполняется произведение Ветховена «Ветерная турбина» в постановке В. Вожеватова. В постановке участвуют артисты В. Вожеватова, В. Вожеватова и В. Вожеватова.

С. ДУРЫЛИН „БЕСПРИДАННИЦА“

Премьера в Центральном театре транспорта

Островский считал «Бесприданницу» лучшей своей пьесой. Он прав в этой оценке.

Подобно Пушкину в «Бесприданнице» строгий драм, как эпизод: это последний акт целой жизни, лишь разделение на не-несколько актов драмы, переживания Ларисы: ее ранняя юность, первая любовь, шум «цыганщины», «разуверение во всем», попытка вырваться из омуга жизни, ухватившись за слабую руку Карандышева, — все это остается за сценой. Все это только проступает очертаниями в эпизоде — в новой встрече с Паратовым, которая и составляет содержание драмы. Враги, друзья, близкие, свои, чужие — все толкает Ларису к гибели, и весь драматизм «Бесприданницы», строгий, ясный, в том и состоит, что кольцо жизни крепче и крепче сжимается вокруг Ларисы. Человеческая, художественно цельный образ, Лариса убеждается, что она только предмет торга, кулли и продажа.

Островский не писал трагедий, но в «Бесприданнице» он был великим трагиком.

Нельзя без удивления отнестись к тому факту, что лучшая пьеса Островского давным-давно исчезла из репертуара «Дом Островского» — Малого театра, а репертуар другого ведущего театра — МХАТ — не бывала никогда.

Центральный театр транспорта прекрасно сделал, что вернул «Бесприданницу» на московскую сцену (постановщик — В. Гольдфельд, художник — А. Варфоломеев, оформление — Н. Кручинина).

Можно порадоваться, что постановщик внимательно, бережно, любяще отнесся к пьесе Островского, прежде всего — к ее тексту.

Впрочем, в одном месте — и очень важном — театр погрешил против Островского.

Обычно Киуров редко удается в спектакле «Бесприданнице». В спектакле Театра транспорта Киуров — наиболее законный, художественно цельный образ. А. Дорошевич отказался от резких штрихов, от нарочито ярких красок. Его Киуров благообразен, вежлив, полон собственного достоинства; это тот самый человек, про которого Гаврила говорит: «Как же ты хохочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы? Но именно из внешней мягкости Киурова, из этой его важной молчаливости, так резко отличающей его от Динки и Куроплеповых, и вырисовывается у Дорошевича большой хищник,

В третьем действии Лариса поет романс «Со стороны». Это — старая и очень печальная традиция, идущая против творческой воли драматурга. У Островского Лариса поет:

Не